

Александр РАР

БЕСТСЕЛЛЕР
В
ГЕРМАНИИ

КОД ПУТИНА

Политический
триллер

Александр Рар

2054: Код Путина

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50214602

2054: Код Путина / Александр Рар: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-106301-6

Аннотация

Действие этой книги происходят в двух разных эпохах: путинской России и России времен Ивана Грозного – эта параллель выбрана не случайно, поскольку и тогда и сейчас закладывался фундамент для России на столетия вперед. Главная интрига: погоня за тайными знаниями-пророчествами о будущем. Для того, чтобы анализ получился предельно ясным и искренним, автором избран эзоповский язык. Герои из его книги реалистичны, есть выдуманные и настоящие лица. В то же время факты в ней реальные, происшествия правдоподобные и имеют автобиографические оттенки.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	4
1961	10
1554	46
1981	84
1991	122
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Александр Рар

2054: Код Путина

Предисловие к русскому изданию

Понять Россию! На протяжении многих столетий эту задачу ставят перед собой целые поколения исследователей, неизменно сталкиваясь с массой трудных вопросов. В чем уникальность и своеобразие России, ее принципиальные отличия и от Востока, и от Запада? Есть ли у нее свой особый путь? Предопределен ли он? И какое будущее в этой связи уготовано нашей стране? Вот лишь некоторые из вопросов, которые беспокоят всех тех, кто пытается заниматься изучением России. Ответов много, но они то противоречат друг другу, то ставят новые вопросы, то не выдерживают испытания временем.

Является ли специфическая русская ментальность следствием сочетания географических, исторических и иных факторов или она имманентно присуща нашему народу? Способна ли эта ментальность меняться в зависимости от ситуации или основа ее настолько устойчива, что воспроизводится в более или менее постоянном виде вновь и вновь? Отвечает ли наша ментальность только за славные победы и свершения русской нации или она же является причиной ее

бед и несчастий? И возможно ли вообще понять нашу ментальность, будучи воспитанным в чужом «культурном коде»?

Чтобы понять Россию, на наш взгляд, недостаточно только изучения ее места и роли в мировых процессах, геополитике и геоэкономике, знания истории и культуры.

Необходимо с самого начала признать самобытность нашей великой страны и заставить себя взглянуть на нас «изнутри», став – а это вполне возможно, и тому есть немало примеров – хотя бы на малую толику русским. Это тем легче, что российская нация и вчера, и сегодня существует прежде всего как культурное, а не этническое единство, весьма открытое к новым и разнообразным влияниям извне.

Благодаря такому подходу многие вещи не просто становятся более понятными, но и начинают обретать свой истинный смысл.

Именно такой подход предлагает своим читателям немецкий политолог и международник Александр Рар, отправляя нас в увлекательный «квест» по страницам своей новой книги. Ее жанр заявлен как политический триллер, но в наше «гибридное» время правильнее определить ее как сплав исторического романа, политического детектива, автобиографической хроники и аналитического доклада. Во многом именно подобный микс жанров наряду с закрученным сюжетом делает ее чрезвычайно увлекательной даже для тех, кто принципиально предпочитает беллетристике – non-fiction.

В оригинальной, немецкой версии книга называется «2054 – Putin dekodiert: Politthriller» («2054 – код Путина: политический триллер»), в русскоязычном варианте название звучит несколько иначе: «2054 – код России: политический триллер».

Думаю, это не случайно: персоналии для социального исследователя очень важны, но еще более важны обстоятельства и ситуации, создающие персон, даже самых значительных, и позволяющие им сыграть свою роль в истории!

Уже с первых страниц вместо привычных названий глав перед нами возникают даты, заставляющие сразу задуматься о наличии секретного кода, «зашифрованного» в книге. Подобная историческая нумерология сохраняется на протяжении всего повествования, которое только на первый взгляд кажется довольно хаотичным.

Различные эпохи, проходящие перед нашими глазами, связываются оригинальным авторским решением – «вневременным рейсом», сверхъестественным явлением, которое позволяет пролить свет на одну из наиболее известных загадок истории – роковую точность предсказаний Нострадамуса.

Еще одна связка – особая семейная линия сюжета, показывающая смену эпох через смену поколений одной семьи. Это весьма необычная семья инсайдеров-аутсайдеров – то ли немцев, то ли русских, то ли не тех и не других.

Так, события начала 1990-х годов, чрезвычайно важные

для понимания сегодняшней России, описаны глазами уже потомков эмигрантов, которые, несмотря на физическую оторванность от России, продолжают оставаться хотя бы отчасти русскими, искренне переживают за Россию, интересуются ею и стараются помочь своей прежней Родине.

Нам, современным россиянам, взгляд со стороны «не немца и не русского» полезен как минимум тем, что помогает понять особенности западного восприятия нас и нашей актуальной истории. Тем более что в этой книге мы имеем дело не с впечатлениями обывателя, а с глубоким и качественным анализом, вскрывающим подноготную завершившегося в конце двадцатого века геополитического соревнования двух сверхдержав на их главной – европейской арене.

Кстати, профессиональная идентичность героев книги играет не просто важную роль, а выступает, по сути, особой сюжетной линией в книге. Благодаря ей приоткрывается завеса над деятельностью западных «фабрик мысли», экспертного сообщества из числа бывших и нынешних «советологов» (многие из которых, несмотря на псевдонимы, вполне узнаваемы), демонстрируется механика использования инструментов информационной войны.

Россия у Рара – это страна, которая, несмотря на специфику исторического развития, цивилизационно неразрывно связана с Европой. Страна, ищущая понимания и уважения к себе, а не найдя его, пытающаяся идти своим собственным многотрудным путем. Страна, у которой есть силы и амби-

ции, а самое главное – есть будущее.

И дело тут вовсе не в предсказаниях Нострадамуса, а в реалистичном подходе к международной политике. Именно этот подход в конечном счете позволял России во все времена сохранять себя и двигаться дальше вперед.

Будучи профессиональным политологом, Александр Рар предлагает свое видение идеального пути развития для нашей страны. В его понимании она должна быть государством, сохранившим свою цивилизационную идентичность, но при этом став более рациональной – и в конечном счете понятной для мира, для Запада, для Европы. А понимание – это один из важных шагов к взаимодействию и взаимной помощи, а она очень нужна и нам, и им.

Ведь Европа, слишком увлекшаяся в последние десятилетия либеральным нарративом, предупреждает автор, рискует встать на путь самоуничтожения, утратить собственную идентичность, не выдержать давления со стороны неконтролируемой иммиграции, международного терроризма и других глобальных угроз.

Исторические параллели, которые пронизывают повествование, дают повод задуматься над тем, что многие современные политические реалии являются продуктами более ранних эпох. Это не только лишний раз наводит на мысль о цикличности истории, но и дает основание поблагодарить автора за попытку воссоздать глубинную, скрытую от внешнего взгляда логику политических явлений и процессов. Не

говоря уже о том, что еще более закручивает сюжет, как и положено жанру политического триллера.

В этой книге каждый вдумчивый и внимательный читатель, уверен, найдет для себя то, что окажется ему интересным, необычным и достойным внимания и осмысления. Но открываются ли в ней настоящие тайны «российского кода»? Объясняет ли она суть и содержание ментальности нашего «глубинного народа»? Даже если и нет, то некоторые догадки и подсказки, и немаловажные, Александр Рар нам дает. Ищите – и обрящете!

Валерий Федоров,

генеральный директор АО «ВЦИОМ»

1961

Василий Орехов перекрестился и прошептал «Отче наш». Тихая молитва помогала ему во всех жизненных ситуациях. Давненько он не летал, а теперь вот наслаждался красочным видом средиземноморского побережья, над которым медленно снижался пассажирский самолет. Последний вираж, последнее покачивание, и вот уже самолет «Эйр Франс» уверенно коснулся взлетно-посадочной полосы. Чего же здесь от него хотят?

Шестнадцать лет, как закончилась та ужасная война. Слава богу, Орехов и его семья пережили ее более-менее благополучно. Сейчас ему было шестьдесят пять, и о своей беспокойной жизни он мог бы написать не одну книгу. Когда разразилась Первая мировая, он пошел добровольцем в царскую армию. Орехов происходил из патриотически настроенной дворянской семьи и, как тогда, так и сегодня, считал своим национальным долгом в трудные времена служить своему отечеству. После того как он практически в одиночку подавил немецкую зенитную батарею и был тяжело ранен во время своей героической операции, он был награжден почетным орденом. Но как же давно это было! Сегодня Орехов воевал на своей третьей войне – холодной – на невидимом фронте. Он жил поочередно то в Брюсселе, то в Париже – в зависимости от получаемых заданий. По такому тайному

заданию он и прибыл сюда, в Перпиньян, на юг Франции.

Он с любопытством посмотрел в иллюминатор. Двое muscularных рабочих осторожно подтаскивали трап к выходному люку. Пассажиры тут же повскакивали со своих мест и устремились к выходу. Орехов не торопился. Скорей всего, большинство из прилетевших были отпускниками, мечтавшими о своих летних домиках и залитом солнцем пляже. Орехов намеревался выйти последним; его ожидала сомнительная миссия. Из окна он увидел на летном поле английский чартерный туристический самолет. Англичанам неплохо жилось после войны в плане финансов, и английские туристы привозили деньги на французские набережные. Рядом он увидел огромный военный самолет. Какой разительный контраст!

Орехов с нетерпением наблюдал за оживленной суетой возле транспортного самолета. Сам он, будучи журналистом, с возрастающей озабоченностью следил за гражданской войной в Алжире. Он знал: здесь, на перевалочном пункте Перпиньян – Ривесальт, началась кровавая война, от которой территория самой Франции пока не пострадала. Отборные солдаты в тяжелом боевом снаряжении садились в самолет. С оглушительным воем моторов машина вырулила на взлетную полосу и поднялась над морем. Интересно, сколько времени еще понадобится великой державе Франции, чтобы победить восставших арабов? Орехов не знал ответа на этот вопрос.

Изящная стюардесса прервала его размышления и попросила покинуть самолет. Он медленно спустился по трапу. Еще несколько часов тому назад он сражался с мерзопакостной дождливой погодой в Брюсселе. А теперь ему пришлось несладко на средиземноморской жаре. В небе над Перпиньяном кружил военный вертолет, а вот ни одного облачка видно не было. Любимая супруга умоляла его в последний момент отказаться от полета. Ему прислали лишь официальное приглашение от французского министерства обороны и билет на самолет – и никаких объяснений. Ей это показалось подозрительным. Но Орехову удалось переубедить жену, ведь семья жила в стесненных обстоятельствах, так что обещанный гонорар ему бы не помешал.

Орехов вновь погрузился в размышления. Что им руководило? Собственно говоря, он все еще считал себя беженцем от советского большевизма, вот уже более сорока лет деспотически тиранившего его родину. Эмигрировал он не добровольно, а был изгнан вместе с армией белых. Антикоммунистическое сопротивление поначалу собирало свои силы в братской православной Сербии, однако после окончательной победы красных в Гражданской войне белогвардейцы бежали дальше на Запад. В конце концов Орехов получил политическое убежище во Франции. Он был в вечном долгу перед французами. А вот проблему своей идентификации он по-прежнему таскал с собой. Еще до нападения немцев на Францию он в 1940 году перебрался в нейтральную Бельгию.

Там его семье жилось спокойнее. Однако ни Франция, ни Бельгия не стали ему настоящей родиной. Да, большинство русских эмигрантов интегрировались на Западе, поменяли свои русские имена и фамилии на французские и повернулись к родине спиной. Орехов же все еще сидел на чемоданах, в любой момент готовый вернуться в освобожденную от коммунистов Россию. Каждое воскресенье он молил об этом Господа в православной церкви. Рано или поздно, он был убежден в этом, он или его дети будут снова жить в России.

Орехов считался чрезвычайно добросовестным, что соответствовало как его воспитанию, так и представлению о самом себе. Когда бы французское правительство ни обращалось к нему за советом, он неукоснительно следовал приглашению. И тем не менее, по его твердому убеждению, французы были наивны и далеки от реальности; они не поняли происходившего в Советском Союзе. В последней войне Франция и большевистская Россия даже были союзниками! Где только мог, он старался объяснить своим французским собеседникам истинные процессы, происходившие на его бывшей родине: там правила преступная банда, а русский народ был порабощен как еще никогда в своей истории, сотни тысяч невинных томились в ГУЛАГе, церковь и верующие преследовались, короче, Советский Союз – это не подлинная Россия, а извращенная, которая однажды освободится сама или же должна быть освобождена извне.

Орехофф встречался с французскими разведчиками всегда в одном и том же парижском кафе. На этот раз встреча неожиданным образом была перенесена на юг Франции. Почему? Как ни странно, причину ему не сообщили. Поначалу его охватило чувство тревоги. А что, если все это ловушка советских спецслужб? Перед войной НКВД то и дело прямо на улицах Парижа похищал русских эмигрантов. С чего бы его наследнику, КГБ, стать более нравственным? Он нащупал в правом кармане своей куртки газовый револьвер, который из осторожности взял с собой в поездку.

Весь в поту, раздираемый сомнениями, Орехов потерянно стоял под испепеляющим солнцем, судорожно вцепившись в чемодан. Неожиданно к нему приблизился молодой человек, до этого незаметно издалека наблюдавший за ним. Он снял темные очки и в приветствии протянул руку:

– Добро пожаловать в Восточные Пиренеи. Меня зовут Поль Ревэ, я работаю на SDECE, службу внешней документации и контрразведки. Следуйте за мной. – Не церемонясь, незнакомец подхватил его багаж и поспешил в сторону зала ожидания. Орехова неожиданно охватила жажда приключений. Он охотно погружался в туманный мир спецслужб, поскольку в итоге чаще всего узнавал вещи, скрытые от простых смертных.

Орехов усмехнулся, увидев, как перед зданием аэропорта Ревэ подошел к черному «Ситроену ds» и открыл дверцы машины. Он и сам не отказался бы от такого автомобиля,

однако скудная зарплата редактора эмигрантского журнала не позволяла подобную роскошь. Наконец-то он мог удобно устроиться на сиденье рядом с водительским. В салоне приятно пахло новой кожей. «Ситроен» тронулся с места.

Ревэ направил машину не в сторону центра города, как предполагал Орехов, а обогнул местность по шоссе, ведущему в Сен-Назер. Оттуда «Ситроен» повернул на юго-восток к Средиземному морю и через час доехал до курорта Сен-Сиприен. На вытянутых белых пляжах Аржелес-Сюр-Мер уютная часть поездки закончилась. Дальше машины стояли в пробке бампер к бамперу и двигались еле-еле. Они начали взбираться вверх вдоль крутого скалистого побережья в направлении Пор-Вандр. Несмотря на резкие повороты, Ревэ пытался на высокой скорости обогнать слишком медленно ползущие вверх машины. От Орехова не укрылось, что он постоянно косил глазами в зеркало заднего вида.

Орехов взглянул на крутой каменистый склон с левой стороны дороги. На спокойной голубой поверхности моря ему предстала идиллическая картина. На легком ветерке показывались парусные яхты богачей. Как мирно все было, как хорошо, что он смог вырваться из суматохи большого города. Это было 13 августа 1961 года. Этот день не должен был стать обычным, как любой другой, а, скорее, весьма судьбоносным. Но о том, что в это время как раз происходило в мире, он не имел ни малейшего понятия.

Нарушив тишину, Орехов спросил, куда они, собствен-

но, едут. Ревэ ничего не ответил, однако остановился возле небольшой лавчонки и вышел, чтобы позвонить. Вероятно, он должен был доложить начальству о благополучном прибытии гостя. Тем временем Орехов внимательно наблюдал из машины за движением. Белый кабриолет проехал мимо «Ситроена». Мужчина и женщина с развевающимися на ветру темными волосами взглянули на него. Красивая дама даже помахала ему. Как ни странно, проехав несколько метров, кабриолет остановился у края дороги. Парочка начала страстно обниматься и жадно целоваться. От такой сцены Орехов остолбенел, и у него закралось смутное подозрение, что пассажиры кабриолета маскировались и на самом деле следили за ним. Его рука нащупала спрятанный револьвер.

Через десять минут поспешно вернулся его водитель. Он предложил Орехову сигарету, и оба закурили. Спутник Орехова почему-то явно нервничал.

– Вы слышали страшную новость? – неожиданно спросил он. Орехов опешил. Что имел в виду его собеседник? Действительно, в последнее время заголовки прессы пестрели новостью, от которой русскому эмигранту было не по себе: Советский Союз значительно опережал Запад в гонке по освоению космоса.

В апреле 1961-го, то есть четыре месяца тому назад, Советы запустили в космос первого человека. Русский Юрий Гагарин, а вовсе не какой-нибудь американец, открыл новую страницу в истории человечества. Несколько дней тому на-

зад Советы отправили еще одного человека на околоземную орбиту. Какой-то советский инженер konstruировал более пригодные к полетам ракеты, чем перевозносимый немецкий американец Вернер фон Браун. В космической гонке лидировали Советы, они еще, пожалуй, первыми и на Луне окажутся. Американцам пока удалось лишь два непримечательных запуска астронавтов на высоту 200 километров, и никаких полетов вокруг Земли.

Западный мир все еще находился в шоке от запуска русских спутников. В октябре 1957-го Советы впервые отправили в космос спутник, который неоднократно облетел Землю, и над территорией Штатов пронесся, между прочим. А это значило, что отныне СССР был способен запускать с одного континента на другой ракеты, оснащенные атомным оружием.

Однако Ревэ имел в виду совсем другое событие. Он только что узнал по телефону, что в советской зоне Восточной Германии начали строить непроходимое ограждение в черте Берлина, изолировав Западный Берлин. Таким образом коммунистический режим хотел воспрепятствовать бегству собственного народа в сектора союзников. В разгаре была вторая блокада Берлина, намного опаснее, чем та, первая, тринадцатилетней давности. Голос Ревэ почти срывался:

– Людей, которые еще пытаются вырваться на свободу, расстреливают!

Взгляд Орехова упал на смятый авиабилет Париж – Пер-

пиньян. Слава богу, он был в безопасности, далеко от трагических событий, под охраной французских спецслужб. Он сидел в лимузине и ехал вдоль живописного средиземноморского побережья, в то время как в центре Европы начиналась третья мировая война. Штаты не допустят такую провокацию. Рано или поздно, он это всегда предсказывал, решающее сражение неминуемо. Иначе человеконенавистнический большевизм никогда не отступится от своих планов завоевать весь мир.

Ревэ, похоже, прочитал его мысли. Нет, третьей мировой не будет, объяснил он, это нереально:

– Обе сверхдержавы обладают одинаковым потенциалом массового уничтожения: водородные бомбы, атомное оружие, химическое, биологическое оружие, а вскоре и боевые спутники появятся.

Орехов вытер платком пот со лба. Угораздило же его потерять где-то темные очки. Палящее полуденное солнце стало невыносимым. Столь же невыносимым, как и невозможное спокойствие Ревэ по отношению к террору в Берлине. Орехов прикусил язык и ничего не ответил. Собственно говоря, он считал, что Штатам следовало заставить Советский Союз уйти из Восточной Европы и из Восточной Азии, пустив в ход «мать всех бомб». Но произнести сейчас это вслух в такой обстановке было бы совсем не к месту. Орехов недоверчиво наблюдал за Ревэ. Он давно уже подозревал, что французский лидер генерал Шарль де Голль, невзи-

рая на противостояние в холодной войне, симпатизировал Советскому Союзу. Франция не хотела американского превосходства в Европе, надеясь на взаимопонимание с восточным исполином.

Спустя некоторое время им открылся потрясающий вид на горный массив Испанских Пиренеев. Только Ревэ пошел на обгон, как ему пришлось резко затормозить – навстречу неожиданно выскочил белый кабриолет. На горизонте появилась горная крепость.

– Вечерняя встреча состоится там – в Форт Беар, – объявил Ревэ и добавил: – Чтобы это не явилось для вас неожиданностью: знаменитый Жан Кокто примет участие в беседе. – От неожиданности Орехов чуть не поперхнулся. Это имя пробудило в нем смутное предчувствие.

Кокто был одним из самых знаменитых французов своего времени, писатель и художник, ему сейчас было за семьдесят. Для Орехова мировосприятие Кокто было чужим миром, далеким от его собственного добровольно выбранного, изолированного эмигрантского существования. Орехов отвергал ассимиляцию с доминирующей французской культурой, оставался русским, читал исключительно русскую эмигрантскую литературу, общался только с единомышленниками, а выходные проводил в русской православной церкви на рю Дарю в Париже или на авеню де Фре в Брюсселе.

В душе, однако, Орехов завидовал признанию, которым пользовался этот бонвиван, эта икона бисексуальной культу-

ры, которая объявила кампанию против гомофобии во Франции. Литературный корифей был своим человеком в русских дворянских салонах в Париже, куда самому Орехову вход был заказан. К тому же Кокто называл знаменитого русского композитора Игоря Стравинского своим другом и поддерживал отношения с авангардистским балетом. Произведения самого Кокто ставились в Америке, а его фильмы выигрывали все премии. Тщеславный художник охотно хвастал своим состоянием. Орехов испытывал почти физические страдания от того, что этому хлыщу удалось еще и соблазнить русскую красавицу и икону моды Наталью Палей, принцессу из дома Романовых, которую обожала вся диаспора.

Орехов закрыл глаза и попытался точно вспомнить их встречу. Очевидно, это было лет за десять до начала войны. Он никогда не забудет тот дождливый день, его парижскую мансарду в старом доме. Капли неумолимо барабанили по крыше. Франция, как и вся Европа, оказалась едва ли не в самом чудовищном экономическом кризисе за всю свою историю. Нью-Йоркский биржевой крах октября 1929 года верг все население в драматическое обнищание. Еще молодые гражданские демократии оказались перед лицом серьезных угроз: с одной стороны, большевизм на Востоке, с другой – фашизм в Южной Европе. Никто и представить себе не мог, какая катастрофа вскоре разразится, после того как Адольф Гитлер проложил себе путь к власти. В Европе, Орехов это хорошо помнил, царило агрессивное, фаталисти-

ческое, упадническое настроение. От Версальского договора, который в принципе должен был обуздать Европу после Первой мировой войны, уже ничего не осталось.

Орехов отчетливо помнил, как из своего маленького чердачного оконца смотрел вниз на уличное движение на рю де Мадемуазель. Насквозь промокшие пешеходы торопливо пересекали перекресток, проходя мимо гудящих автомобилей. Вдруг он увидел подъехавший лимузин, из которого кто-то вышел. Через несколько секунд в его дверь громко постучали. Сколько раз он спустя годы с упреком спрашивал себя, почему жена пустила тогда незнакомца в квартиру. Чужак переступил порог. Его лицо было весьма загорелым, над выступающим лбом виднелись редкие, зачесанные назад волосы. На вид ему было лет тридцать.

Одет странный гость был как американский денди. На нем были белый пиджак, белые брюки и белая шляпа. Свои мокрые сапоги он без всякого стеснения вытер об ковер. Не дожидаясь приглашения, Кокто уселся на единственный свободный стул в рабочем кабинете, предварительно скинув с него несколько пыльных книг. Не успел Орехов, довольно плохо еще говоривший тогда по-французски, издать хотя бы один удивленный звук, как художник изложил свое дело.

В свое время Кокто работал над новым романом на основе оккультных трактатов. Он считал, что нашел доказательство того, что история человечества повторяется определенными циклами. Постоянное дежавю войны и мира. От древ-

неегипетских символов уроборос – змеи, поглощающей саму себя, через индуистский концепт йоги до круговорота основных законов по Полибию и Макиавелли – следует точный вывод: ключевые моменты универсальной истории повторяются примерно каждые 800 лет по одинаковому образцу.

В прокуренном кабинете возникла пауза. Орехов удивленно внимал непрошеному гостю и не понимал ни слова. А тот откинулся на стуле и поменял тему. Он заговорил о России и стал рассказывать, как некоторое время тому назад смог посетить знаменитого поэта и художника Максимилиана Волошина в его пристанище в Крыму благодаря визе советского посольства. С этим первопроходцем Серебряного века поэзии в России он ночами напролет, вглядываясь в темное Черное море, спорил о метафизических причинах Октябрьской революции.

Кокто продолжил, скользя по своему визави странным взглядом:

– Меня преследует неодолимое желание продолжить теперь эту дискуссию с вами. Вы важный очевидец событий и один из умнейших политических умов здешней русской диаспоры. Надеюсь, не такой предубежденный, как старые белые генералы, возлагающие вину за Октябрьскую революцию исключительно на красных! – Кокто поправил свой жилет, вынул из кожаной сумки какое-то техническое устройство, ранее не виденное Ореховым. Это был магнитофон из пластика, произведенный в Германии на Баденской ани-

линовой и содовой фабрике – BASF. Пока француз искал розетку, Орехов схватил чайник, чтобы обслужить гостя. Огромная катушка магнитофона начала вращаться. Аппарат загудел, все больше и больше нервируя Орехова.

Кокто вынул из сумки пожелтевший листок бумаги:

– Это текст одного пророчества, которое Волошин перевел с французского на русский. Ему 400 лет, а может, и больше. Сенсационным образом вы узнаете в нем наше настоящее.

Орехов взял в руки листок и посмотрел на кириллические буквы. Его любопытство росло.

Этому предшествовать будет весьма странное солнечное затмение, самое темное и мрачное с времен творения мира до страстей и смерти Иисуса Христа и до сегодняшнего дня. Это произойдет в октябре месяце, когда случится большой переворот, таким образом, что можно будет подумать, что Земля потеряла свое натуральное движение и была выброшена в вечную тьму. Этому предшествовать будут весной и впоследствии громадные перемены и смены правительств; они будут сопровождаться большим замлетрясением и загрязнением нового Вавилона, мерзкой дочерью, которая будет возвышена из-за зверств первого холокоста, которая не продержится дольше 73 лет и 7 месяцев.

Орехов сморщил нос. Что за тарабарщина? Мистик Волошин его не больно-то интересовал. Интеллектуалы, остав-

шиеся в коммунистической России, как известно, не имели права свободно мыслить, они служили большевистскому государству. К тому же Волошин не скрывал, что он масон – наверняка и он, и Кокто принадлежали к одной и той же ложе. Орехов содрогнулся от омерзения. Разве не еврейские масоны отвечали за свержение царя? По крайней мере, такие слухи ходили среди тех, кому удалось бежать от Гражданской войны. Мнимые гуманисты, на самом деле боровшиеся с христианством. Орехов незаметно ущипнул себя за руку. Нужно было быть начеку, чтобы не сболтнуть ничего лишнего.

Несмотря на все свое самообладание, Кокто заметил недовольство Орехова. Однако его восторг перед пророчеством оставался непоколебимым, он был словно в трансе:

– В этой рукописи однозначно идет речь об Октябрьской революции. Под солнечным затмением и потерей силы земного притяжения подразумевается именно это. Поймите, Октябрьская революция ввергла человечество в новый разрушительный цикл.

Орехов вновь пробежал глазами листок. Ему хотелось предстать вежливым перед своим гостем, однако смысл предсказания все еще не открывался ему. Он был воцерковленным человеком, сведущим в религиозных вопросах, и, безусловно, был чуток к религиозным текстам. Написанное на листке при ближайшем рассмотрении напомнило ему стиль пророческой книги Апокалипсис. Значит, плагиат!

Волошин набрался смелости списать у Иоанна Богослова и истолковать на свой лад предсказания любимого апостола Христа. Но, с другой стороны, Кокто был прав. Октябрьская революция была эпохальным, апокалиптическим событием – ее потрясения были настолько сильны, что она вполне могла приблизить все человечество к Страшному суду.

– Вам это ни о чем не говорит? – Кокто указал пальцем на то место в тексте, где смена правителей предсказывалась весной – перед октябрьскими событиями. Орехов побледнел. Неужели здесь действительно имеется в виду Февральская революция? Он прочел пророчество в третий раз. А что означает «Предшествовать сему будет...»? И какое еще эпохальное событие следовало непосредственно за Октябрьской революцией? Текст был чересчур загадочным. Кокто не спускал глаз со своего визави. Какой холокост, то есть какое всесожжение привело бы в итоге к возвеличиванию библейской «вавилонской блудницы»?

– Подразумевается Советский Союз, – объявил поэт. – Иначе отсылка к Октябрьской революции не имеет смысла. – Он блаженно понюхал свою табакерку. Его голос задрожал: – Октябрьская революция – всего лишь увертюра к новой, ужасной войне. Мир после этого станет иным. Вы это испытаете.

Орехов усомнился в душевном здоровье посетителя. Что за фантазии?

Всю свою жизнь Орехов был убежден в том, что – вер-

нее, надеялся на то, что – Октябрьская революция была не чем иным, как неудачным промахом в великой истории России. И своим потомкам он внушил бы эту мысль. Перед Первой мировой войной Россия уже почти нагнала Запад в экономическом развитии, попытался разъяснить он своему гостю. Если бы Россия выиграла эту войну, она сейчас была бы мощнее, чем западная ось. В случае победы над кайзеровской Германией древний Константинополь вместе со славянскими государствами Восточной Европы отошли бы к России, мы унаследовали бы Османскую империю. Победа во всех отношениях.

Кокто резко оборвал его рассуждения:

– Следующая мировая война полностью поработит Европу. Победители придут извне. – Надежду Орехова на восстановление монархии в России француз холодно отверг: – Ваша старая Россия была отсталой, в отличие от нее коммунистическая Россия прогрессивна, она принесла миру универсальный культурный прорыв и социальную справедливость.

Эти слова взбесили хозяина. Поэт со своей лукавой усмешкой на губах довел его до белого каления:

– Вы, белые, справедливо проиграли красным, потому что у большевиков лозунги были лучше: образование для всех, земля крестьянам, права для женщин. У царя руки были в крови. Запад не допустит возрождения дореволюционной России.

Лицо Орехова залилось краской от возмущения. Как по-

смел этот самонадеянный злодей, только что благоговейно внимавший его размышлениям, так оскорбить его в его собственном доме?! Он знал, что в Париже даже отрекшиеся от родины интеллектуалы мечтали о закате капитализма в мировом экономическом кризисе. Их салонная болтовня вызывала у него отвращение. Он перешел на патетику:

– Большевицкая революция была не чем иным, как антигуманным экспериментом над измученным и поработленным народом! В других местах убийственный эксперимент провалился, но на русском народе он был испытан. – С этими словами он сплюнул на пол.

Вслед за этим Кокто распрощался, так же быстро, как и пришел. Орехов был так разозлен, что даже не встал со стула, чтобы проводить гостя. Однако, закрывая за собой дверь, Кокто еще раз заглянул в квартиру:

– Вы проглядели самое важное в пророчестве: Россия сбросит с себя коммунизм летом 1991 года. Так что Октябрьская революция была напрасной. Она ничего не принесет человечеству и в следующем столетии уже будет забыта. Я сейчас работаю над пьесой «Адская машина» – посмотрите, я все это там как раз использую! – Чудак наконец захлопнул за собой дверь и исчез из жизни Орехова.

И вот теперь, во время долгой поездки в Форт Беар вдоль средиземноморского побережья, Орехов неожиданно понял, какое отношение к Советскому Союзу имело это странное

пророчество о холокосте — появившемся позже термине, обозначавшем уничтожение евреев Гитлером. С тех пор прошло тридцать лет, и теперь стало очевидным: благодаря своей победе над гитлеровской Германией Советский Союз стал еще более мощной силой, «нечестивой вавилонской блудницей», царством антихристов. И, согласно пророчеству, ровно через тридцать лет оно должно будет рухнуть? Для Орехова это больше походило на сказку.

«Ситроен» приближался к овечьей легендами крепости, венчавшей гору прямо на побережье. За ней лежала Испания, между ними проходила граница Европейского экономического союза и НАТО. Здесь свобода, там диктатура Франко. Крепость была сооружена в конце прошлого века в стиле средневекового укрепленного замка как радиостанция, а позже как станция прослушивания французских военных. Однако то, что выглядело как туристический аттракцион, скрывало широкую сеть подземных оружейных складов, которые должны были защищать Францию от нападения со Средиземного моря.

Поездка продлилась еще не меньше часа. Сотрудник секретной службы приступил к отчаянному маневру по взбиравшейся наверх дороге, чтобы избавиться от белого кабриолета, неизменно следовавшего за ними. Орехов опустил боковое окно и жадно вдохнул свежий морской воздух. Средиземноморское побережье предстало в своем впечатляющем живописном великолепии. Розовые кусты по краям дороги,

хвойные деревья, кипарисы и древние эвкалипты радовали глаз. Орехов уже и не помнил, когда он в последний раз видел пальмы или отдыхал в тени кипариса.

На вопрос, а что за история с этим кабриолетом, Ревэ буркнул: «Наверное, ЦРУ». Авторадио смолкло, видимо, машина попала в мертвую зону. Вскоре опять зазвучала легкая развлекательная музыка, и Орехова охватило ощущение, что подвеска гидравлики «Ситроена» на дороге раскачивалась в тон с музыкой.

Ревэ притормозил на перекрестке и свернул на боковую улицу. Проехав еще немного, «Ситроен» остановился у шлагбаума. Перед ними возвышалась странная крепость высотой около двухсот метров. «Как рыцарский замок, – подумал Орехов, – только башни не хватает». Гора была обнесена забором с колючей проволокой. Патрульный заглянул внутрь машины, после чего Ревэ был пропущен. Шлагбаум опустился за «Ситроеном», и машина начала свой теперь уже последний подъем по петляющей дороге – не асфальтированной и не укрепленной по краям. В дождь автомобиль рисковал бы соскользнуть в некоторых местах. Теперь он лишь поднимал столбы пыли.

По опущенному подъемному мосту машина попала к воротам. Пассажиры вновь подверглись досмотру и, наконец, были пропущены во внутренний двор. Со времен построения цитадели – сто лет тому назад – на верхней платформе мало что изменилось. Лишь гигантские антенны возвы-

шались над комплексом строений. Стаи ворон кружили над крепостью. Как ни странно, внутри самой крепости не было видно ни души.

– Самый изощренный пост прослушивания на всем Средиземноморье, – подмигнул Ревэ своему спутнику и заверил: – Здесь нам никто не помешает, никаких американцев, никакого НАТО – наша суверенная территория.

«Ситроен» припарковался возле кирпичного здания. Входная дверь, явно еще из первоначальных времен, была открыта. Из бокового окна выглянула чья-то голова и тут же исчезла за шторой. Тем временем водитель лениво вылез из лимузина и потянулся. Время близилось к вечеру, но солнце все так же безжалостно палило.

Ревэ вынул вещи из багажника и показал на дверь:

– Месье, вы получаете самую романтическую комнату крепости и за бокалом красного вина будете наслаждаться вечером самым красивым заходом солнца во всей Франции. – Небольшая винтовая лестница вела наверх, где были расположены несколько комнатушек.

Что касается потрясающего вида на горы и на море, то ожидания Орехова были даже превзойдены. Он открыл окно и несколько минут задумчиво смотрел вдаль. Потом лег на кровать, чтобы отдохнуть. Опасение, что ситуация в Берлине может взорваться, не покидало его.

После непродолжительного сна Орехов встал и положил свой чемодан на узкую кровать. Небольшую иконку с изоб-

ражением святого Николая Чудотворца, покровителя путешественников, он разместил рядом с кроватью. Заперев дверь, Орехов вытащил свой газовый пистолет и положил его под подушку. На столе стоял кувшин с холодной водой из-под крана. Орехов с жадностью налил себе большой стакан и быстро осушил его. Не успел он закурить вожаделенную сигарету, как в дверь постучал Ревэ.

Вечерний сумрак опустился на стены крепости, морская вода изменила цвет, шум прибоя тоже стал громче. Мужчины вошли в офицерское казино, дежурный солдат накрывал на стол, выставляя изысканные блюда, напитки и фрукты. Статный господин среднего возраста в униформе ожидал их – это был командир военной базы.

– Месье, вы ненавидите Советский Союз, но вы пламенный русский патриот. Нам нужен именно такой, как вы, – приветствовал его командир. Орехов не сомневался, что этот полковник был очень крупной шишкой в секретных службах. Может, даже глава французской разведки.

Полковник попытался найти дружелюбные нотки:

– Советский Союз меняется, это отратно. Сталинский преемник Никита Хрущев реформирует коммунистическую систему. Труп Сталина должен исчезнуть из Мавзолея на Красной площади.

Орехов тут же опроверг его слова. Ничего не изменилось после смерти Сталина. Тирания и засилье террора никуда не делись. Холодная война, коммунистическая угроза достигли

НОВЫХ ВЫСОТ.

– Запад очень наивен. – Орехов буквально содрогнулся, его лоб прорезали глубокие морщины. – Западные капиталисты продают Советам веревку, на которой их повесят! Кроме того, КГБ будет сеять на Западе смуту, провоцировать протесты, низвергать правительства. Нам придется несладко.

Продолжая слушать гостя, полковник вытащил папку:

– Ваше досье. – Орехов замер. Как глубоко он должен быть втянут в дела секретных служб? Делая вид, что хочет подстраховаться, полковник немного полистал в папке. Потом пристально посмотрел на Орехова и отчеканил: – Вы принадлежите к внутреннему кругу бывших царских офицеров, планирующих переворот в Советском Союзе.

– Нам подходит любой способ свержения неправомочного режима, – резко ответил Орехов. Чего хотят от него эти агенты? Вся его жизнь достаточно известна. В двадцатых годах из русской эмиграции образовалась тайная боевая группа, совершавшая взрывы в приграничных советских городах. При этом погибали отнюдь не только политкомиссары, но и невинные гражданские лица. – К терроризму мы всегда относились с отвращением, – заверил он полковника.

Полковник дальше пролистывал папку, страницу за страницей. В офицерском казино стало тихо.

– На чьей стороне вы были во время войны? – без обиняков спросил он.

Каждый знал, что русская эмиграция втайне надеялась

устранить большевизм с помощью Гитлера. Разговор тут же стал неприятен Орехову, к тому же он все больше походил на допрос. Военная глава болезненно отзывалась в его сердце. В ответ он произнес:

– Ненависть диаспоры, кстати, и многих советских военнопленных, к Сталину была так велика, что свои надежды на освобождение родины от большевиков они возлагали на Гитлера.

Полковник хмуро взглянул на него. Ну что ж, русский эмигрант был убежден в своей исторической правоте. Ведь он должен был знать, что, напав на СССР, немцы не столкнулись со значительным сопротивлением. Советский народ встречал вермахт как освободителей. Взятый в плен генерал был даже готов сформировать русскую освободительную армию против Сталина. В боевых действиях она не участвовала, поскольку Гитлер не доверял «недочеловекам». После войны страны-победительницы выдали перебежчика Сталину, и он был повешен. Орехов повесил фото генерала в своей комнате.

– Как восприняли русские эмигранты пакт Гитлера – Сталина? – продолжал наседавать полковник. «Опять вопрос-ловушка», – пронзило Орехова. С какой стати француз допытывался до его политических убеждений? Куда именно он клонил? В разгар боев Первой мировой войны Верховное командование кайзеровской Германии организовало возвращение революционера Ленина в Россию в пломбированном

вагоне, снабдило его большими деньгами, чтобы он там разжигал революционные беспорядки. Захватив власть, Ленин сдержал обещание и капитулировал перед немцами. Таким образом Россия вышла из войны – ценой потери своих западных областей. Финляндия, Балтика и Украина стали независимыми. Заключив тайное соглашение с Гитлером, Сталин потом вернул эти территории.

Взгляд полковника стал серьезным. Орехов тут же отбросил в сторону возникшие было сомнения:

– Разумеется, Сталин был военным преступником – но прежде всего он совершал преступления против собственного народа. – Орехов сказал то, что думал.

Но теперь надо было продемонстрировать свою верность Западу. Преисполненный убежденности, он продолжил, обращаясь ко всем сидящим за столом:

– Сталин выиграл войну только благодаря щедрой американской помощи. И если бы американцы не высадились в Нормандии, он прошагал бы через всю Германию до Атлантики, занял бы Францию, как и Польшу.

Лицо полковника просветлело:

– Сегодня вечером я завербую вас и пошлю за железный занавес. – Орехов опять побелел. Попытки полковника успокоить его не помогли; русский эмигрант запротестовал, дико замахал руками:

– Вы же не можете вслепую бросить в бой офицера из руководящего состава! Риск слишком велик. Вспомните,

как бездарно провалилась подобная операция с кубинскими эмигрантами в заливе Свиней на Кубе.

Полковник настаивал:

– Советский Союз через два месяца взорвет царь-бомбу на широте полярного круга, на сегодняшний день это самая мощная водородная бомба в истории человечества, в четыре тысячи раз мощнее, чем Хиросима. Американцев это едва ли заденет. Атомные бомбы не смогли бы поразить американскую территорию, несмотря на спутники, тогда их надо было бы транспортировать на самолете над Атлантикой. В этом случае воздушные силы США имели бы достаточно времени, чтобы сбить вражеский самолет. А вот Франция уязвима.

Он напомнил собравшимся, что и в СССР было достаточно ученых, хотевших предотвратить атомную войну любой ценой, которые ради этого обменивались секретной информацией с вражеским Западом. Задача Орехова – обнаружить этих людей и свести их с Францией.

Полковник аккуратно игнорировал протесты русского эмигранта. Голос его звучал успокаивающе:

– Вас никто не заподозрит в попытке шпионить на Советский Союз. А как известный предводитель эмиграции в Советском Союзе вы будете вызывать доверие у тех, кто хочет вступить в контакт с Западом. – Другими словами – он должен шпионить. Орехов в отчаянии затряс головой.

Полковник величественно поднялся со стула и, не терпя возражений, призвал всех следовать за ним. Мужчины про-

шли по темному переходу. Стальная дверь открылась как бы сама собой. За ней обнаружилась винтовая лестница, ведущая вниз, в застенок. В нос им ударил сырой воздух. Тускло освещенные стены помогали удерживать равновесие. Спуск был довольно утомительным, и Орехов чувствовал себя паршиво. Полковник примирительно положил ему руку на плечо и спросил, дает ли о себе знать его ранение в Первую мировую. Русский эмигрант ответил отрицательно, удивившись таким знаниям подробностей его биографии.

Орехов уже видел некоторые военные сооружения, но такого еще никогда. Полковник подчеркнул, что еще ни один нефранцузский гражданин до него не удостоивался чести войти сюда. Он прошептал, уже гораздо приветливее, что под крепостью можно было бы осмотреть секретный военный объект. Поездка Орехова на юг Франции становилась все более захватывающей – и совсем в другом ключе, чем он себе это представлял. Пока они спускались вниз по винтовой лестнице, полковник рассказал ему совершенно невероятную историю, подобную которой Орехов не слышал никогда в жизни.

В начале нового века священник церкви в Рен-ле-Шато, средневековой коммуне в полутора часах езды на машине от Форт Беар, нашел клад в подземелье под деревенской церковью. Он находился в старинном сундуке, спрятанном там, по всей видимости, во времена Французской революции.

Поначалу в этом не было ничего удивительного. Многие дворяне и зажиточные граждане прятали в эти опасные времена свое добро от разбойничьих орд революции. Но в этом случае находка оказалась сенсацией. Помимо многочисленных астрономических записей из позднего Средневековья в сундуке оказался загадочный аппарат, техническая конструкция которого свидетельствовала о том, что он никак не мог быть сделан в те давние времена. Это оставалось для всех загадкой.

Поскольку священник испытывал большую нужду в деньгах, он, не раздумывая, предложил купить содержимое таинственного сундука французской армии. Знающий специалист из военной разведки поскакал в Рен-ле-Шато, чтобы исследовать аппарат. После этого в церкви началась большая суматоха. Тайный советник запер здание и приказал отправить объект в цитадель Форт Беар. Священник получил солидное вознаграждение за находку, на которое позже отретставрировал церковь. Его обязали унести свою тайну в могилу.

Национальное правительство квалифицировало находку как строго секретную и приказало тщательно изучить объект. Но поскольку в крепости остерегались иностранных шпионов, военные не стали приглашать компетентных ученых из серьезных исследовательских институтов. Прошли годы, прежде чем результаты исследования могли быть представлены тогдашнему президенту Франции Жану Казим

мир-Перье. Отчет о расследовании выглядел шокирующим: неизвестный объект, скорее всего, внеземного происхождения. Все прилагаемые документы были затем уничтожены, а таинственный аппарат забетонирован в крепости. Правительство распорядилось хранить все в строжайшей тайне.

Во время немецкой оккупации Франции некий особый разведотряд добрался до форта. Разведчики искали легендарные сокровища Меровингов и предъявили древние рукописи, упомянув, что Гитлер как одержимый охотится за святым Граалем, зарытым на средиземноморском побережье тамплиерами. Агенты французского Сопротивления в последний момент успели перепрятать ценную находку в еще более надежное место.

Орехов дрожал от возбуждения и лишь с большим усилием держался за влажные, холодные перила. Должно быть, они глубоко проникли внутрь скалы. В конце ступенчатого шахтного ствола перед ними открылся подземный ход. В то время как полковник продолжал свой рассказ, вдали послышались искаженные голоса. Наконец перед ними открылась стальная дверь, и мужчины вошли в ярко освещенное помещение. Укреплённый на потолке прожектор освещал странный аппарат на металлическом столе, напомнимшем Орехову операционный стол в госпитале.

Сферический объект, на который были направлены взгляды всех присутствующих, был изготовлен из благородной

стали, размером не больше человеческой головы. Орехов был поражен – подобной конструкции он никогда не видел. На вид шар весил несколько килограммов, поверхность его была оранжевой, частично цвета ржавчины и довольно облезлой. Орехов обнаружил глубокие царапины и множественные сколы. Похоже, объект не выдержал бы новых экспериментов на своей внешней оболочке. На протяжении десятилетий с ним явно не церемонились – загадку пытались разгадать с помощью грубой силы.

Полковник благоговейно, как к священной реликвии, приблизился к таинственному шару и осторожно потянул за маленькую ручку на внешней оболочке. Плотный затвор открылся, и чрезвычайно удивленный Орехов смог заглянуть внутрь. Он был поражен завораживающей электроникой, которая предстала его глазам. Внутреннее пространство было наполнено тончайшими техническими приборами, проводами, выключателями и множеством странных крошечных деталей. О том, что это микрочипы и флешки, присутствующие еще не могли знать. За футуристической электроникой были спрятаны носители данных, расшифровать которые с помощью тогдашней техники было невозможно. Изнутри торчали проржавевшие провода и сломанная антенна. Атмосфера накалилась до предела. Никто не препятствовал Орехову прикоснуться к прибору.

Полковник взял шариковую ручку и указал на гравировку на титановой поверхности шара. К своему величайше-

му изумлению, Орехов обнаружил там прежний российский флаг – триколор, – который советский режим заменил красным флагом с серпом и молотом. Рядом он прочел надпись на русском языке: «Ростехнологии».

Полковник с наслаждением наблюдал за растерянным лицом Орехова. Он подозвал человека, до этого безмолвно стоявшего в темном углу и представившегося сотрудником бюро безопасности гражданской авиации в парижском аэропорту Ле Бурже. При себе мужчина имел сумку с инструментами. Полковник попросил абсолютной тишины, чтобы слушать следователя по авариям в полете. Его слова повергли Орехова в очередной шок.

Следователь нисколько не сомневался в сути дела. В 1957 году один австралийский бортиженер изобрел так называемый «черный ящик» – ценнейший технический прибор, позволяющий записывать на магнитную пленку переговоры экипажа самолета. Бортовой прибор-самописец был снабжен чувствительными передатчиками пеленгатора, чтобы после падения самолета его можно было найти в любом месте – будь то в горах или на морской глубине. Он должен был быть абсолютно ударопрочным, жароупорным и водонепроницаемым. До серийного выпуска, однако, должно было пройти несколько лет. Лежащий перед ними аппарат представляет собой ровно такой же черный ящик, только не в пример более совершенный, чем все существующие приборы. Тем не менее, как только эта техника вообще появилась, военные

Форта Беар наконец узнали, с какой сенсационной находкой они имели дело.

Первое поколение бортовых самописцев имело цилиндрическую форму. Сферическая конструкция находки придала, однако, аппарату намного большую стабильность. Несомненно, такая штука уцелела бы при авиакатастрофе на любой, самой гигантской, высоте и в случае необходимости невредимой сохранялась бы месяцами в любой пропасти или на дне океана. После падения самолета, не важно откуда, благодаря питанию от батареи неделями самописец посылал бы ультразвуковые сигналы. После обнаружения потерпевшего аварию самолета причину катастрофы можно было установить на основе записанной информации. К сожалению, необычные батарейки прибора давно были израсходованы.

Обычно черные ящики были сконструированы таким образом, что сохраняли нераскодированную информацию, которую в случае необходимости довольно легко могли раскодировать авиационные спасательные службы. Прослушать магнитную пленку, конечно, не составляло труда, однако этот прибор имел абсолютно незнакомую технологию сохранения энергии. Никто не мог расшифровать информацию, поскольку технические предпосылки для этого отсутствовали. Прибор был родом не из этого мира. Но откуда могли взяться тогда буквы на кириллице?

Мужчины молча отправились к выходу. Неожиданно кто-

то загородил дверь перед ними. Орехов сразу же узнал сильно постаревшего поэта Кокто, шагнувшего им навстречу. «Этого вечного вольнодумца здесь только не хватало», – выругался он про себя.

– В крепости Форт Беар хранится величайшее открытие человечества! – голос Кокто почти срывался. Он выдержал долгую, значительную паузу. В бункере был слышен лишь грохот вентиляционной установки. – Мы как археологи, первыми открывшие гробницы египетских фараонов в тысячелетних пирамидах! – торжественно провозгласил он. Кокто вышел из тени и предстал перед ними – седые волосы на его голове были всклокочены, голос звучал истерично. Свет прожектора начал мерцать. Орехов, не мигая, смотрел на старика с сияющими, почти горящими глазами.

Взгляды Кокто и Орехова встретились на короткое мгновение. Оба вспомнили ту свою давнюю беседу на рю де Мадмуазель. У художника не оставалось никаких сомнений: если был черный ящик, значит, существовал и самолет к нему! Кокто вдруг приблизился к Орехову, в ужасе отпрянувшему от него, и схватил его за руки.

– Поезжайте в Советский Союз. Поищите специалистов службы связи. Вам будут доверять. Расшифровка записей прибора, скорее всего, возможна в Советском Союзе, поскольку этот черный ящик наверняка русского происхождения!

Орехов вдруг заподозрил, что он попал в финальную сце-

ну спектакля Кокто, существовавшего за пределами реальности. По какой-то причине спецслужбисты подшучивали над ним. То ли они тестировали его интеллект, то ли пытались уязвить его? У него потемнело в глазах.

– Почему вы не спросите союзников из Америки? – пробормотал Орехов.

– Американцы ни с кем не делятся своими открытиями.

В помещении воцарилось смущенное молчание. Все отправились к крутому подъему наверх. Орехов тяжело вздыхал, поднимаясь по бесконечной винтовой лестнице. Во дворе дежурный солдат зажигал факелы, и крепость обретала таинственный вид. В небе мерцали первые звезды. Усталыми глазами Орехов искал на небе яркую звезду Сириус в созвездии Большого Пса. Полковник присоединился к нему:

– Кокто – знаток всех тайн. Глубокие познания во многом способствовали его потрясающей карьере.

Морской прибой с огромной силой швырял волны о скалу. Брызги разлетались на метры вокруг. В открытом море светили сигнальные фонари военного корабля. На расположенном неподалеку утесе горел красный свет маяка. Ужасные берлинские события казались забытыми.

Орехов хотел посмотреть расположение войск на ночлег, но полковник удержал его от этой затеи. Он посвятил Орехова еще в одну тайну:

– Для маскировки существования этого секретного объекта французской службой разведки в давние времена был

основан конспиративный союз. Закрытое общество посвященных содействует распространению легенд о странной находке. Мы вербуем эзотериков, астрологов, уфологов, историков, криптологов и специалистов по техникам дешифрования, которые в стороне от широкой общественности исследуют загадку в надежде когда-нибудь расшифровать аппарат. – Свои объяснения он завершил предостережением: – Если же вопреки строгой секретности информация все же вырвется наружу, все переключает в область теорий заговоров и тем самым утратит серьезность.

На следующее утро Ревэ отвез Орехова в аэропорт Перпиньян, где русский эмигрант своевременно поднялся на борт «Эйр Франс», вылетающий в Париж. Орехов думал о завтрашнем дне. В какой мир он возвращается?

Франция потеряла свои колонии в Северной Африке, Британская империя съежилась до размеров островного государства, Германия разделена, когда-то сверхмощная Австрия опустилась до альпийской туристической страны, бывшая Османская империя – всего лишь поставщик дешевой рабочей силы. Восточной Европы больше не было. Советский Союз господствовал над половиной мира, Восточной Европой и Северной Азией, он присутствовал на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Латинской Америке. С Кубы США грозила огромная опасность, если Советы разместят свои ракеты на Карибских островах. Как раз недавно всту-

пившему в должность молодому президенту США Джону Кеннеди такой вызов не по плечу. Если Магриб достался бы СССР, Франция получила бы угрозу со Средиземного моря, как в раннем Средневековье от сарацин.

Орехов в последний раз посмотрел в окно. Как молоды были все французские легионеры, на его глазах уходившие на войну, – как он сам когда-то, еще даже не будучи совершеннолетним, с оружием в руках ринулся в бой, чтобы защитить свое Отечество.

Он бы с большим удовольствием выдал тайну оранжевого шара, расшифровал послание из другого мира, если бы он существовал. Только очень немногих друзей он мог бы познакомить с этой историей. Однако не стоит слишком много болтать об этом, иначе уже не поручишься за свою жизнь. В этом он отдавал себе отчет.

Самолет стоял на рулежной дорожке. Пилот готовился к старту. Через несколько часов Орехов будет уже дома. Неожиданно он вздрогнул, почувствовав легкое прикосновение к своей руке. Рядом с ним, на месте у прохода, сидела черноволосая красавица из вчерашнего кабриолета. Улыбнувшись, она заговорила с ним по-русски, с легким американским акцентом:

– Дорогой друг, давайте вместе насладимся полетом.

Внушительная колонна всадников с роскошной коляской посередине уже три недели была в пути. Чем дальше посольство продвигалось на восток, тем холоднее и дождливее становилось. Путь от Брюсселя через Германию до польской границы они преодолели без происшествий. Однако теперь сильные осенние бури заставляли путешественников все чаще делать остановки. Весть о том, что императорская делегация титулованных особ с неизвестной целью проезжает мимо поместий, опережала посольство. Недоверчивые курфюрсты высылали своих разведчиков, чтобы выведать причину путешествия. Вскоре распространилась весть, что в передней, позолоченной, карете ехал Фердинанд фон Гонзага, полководец императора Священной Римской империи.

Когда путешественники проехали Краков, дорогу им дружелюбно преградили легаты польского короля. Сигизмунд II пригласил Гонзагу и его свиту на аудиенцию. Тайна императорского посольства была раскрыта: путь Гонзаги лежал во вражескую Россию, это было несомненно. Недовольно покачивая головой, но сгорая от любопытства, польский король ожидал гостей в своей резиденции.

– Тому, кто хочет попасть из Европы в Москву, надлежит проконсультироваться с Польшей! – торжественно объявил он.

Пятидесятилетний Гонзага предпочел совершить всю поездку в удобной карете, в то время как другие благородные всадники скакали верхом рядом с ним, следуя его указаниям. Гонзага занимал пост миланского губернатора, но Карл V затребовал его летом в свой дворец в Брюсселе, чтобы поручить весьма деликатную миссию. В общей сложности посольство состояло из ста персон, включая слуг.

Гонзага разглядывал свои украшенные золотыми перстнями руки. Все же пришло время посвятить сопровождающих в суть их секретного дипломатического задания.

В польской резиденции царила громкая праздничная атмосфера, как и положено в честь приема иностранных гостей. Сигизмунд был не из тех правителей, за кем укрепилась репутация человека с дурными манерами или развратным образом жизни. Последний король из династии Ягеллонов вел себя необычно тихо, внимательно слушая рассказы послов. Он мало пил, но непрестанно спрашивал их, что потерял император в этой забытой богом степной стране.

Прежде чем приступить к своей посольской миссии, Гонзага внимательно проштудировал «Записки о Московии», знаменитое описание путешествия предшествующего немецкого посла в Московии, барона Сигизмунда фон Герберштейна. Так что он знал об исторически сложившейся затаенной обиде на Москву, которая мучила поляков. Однако он не должен был принимать во внимание польские интересы, поскольку представлял здесь Западную Европу. Тем не

менее он проявил вежливость и внимательно выслушал точку зрения короля.

Россия все еще оставалась для Европы довольно неизвестной величиной, поскольку не играла пока никакой роли в мировой политике. Своим крещением по византийскому обряду в 988 году страна приняла православное христианство, четко отграничив себя тем самым от римского папства и католической Европы. После чего исчезла с исторической арены, поскольку почти три столетия насильственно находилась под чужеземным владычеством степных монгольских народов. Вплоть до своего основания в составе Киевской Руси Россия никогда не обладала центральной государственностью; скорее она состояла из множества княжеств, объединявшихся в конфедерацию. На протяжении веков власть всегда переходила к самому сильному князю. Политические интриги, борьба за власть, раздор между братьями определяли характер господствующих элит. Для монгольских захватчиков не составляло труда настраивать друг против друга одержимых властью князей и обязывать всех их платить дань. Но через двести лет после смерти великого Чингисхана власть орды начала слабеть. Московские великие князья воспользовались слабостью монголов, чтобы одну за другой отвоевывать территории. Так началось историческое «собираение русских земель».

В Польше подъем Москвы особой радости не вызвал. Там заигрывали с католическим Великим княжеством Литов-

ским в качестве «собирателя русских земель». Литва в ту пору была крупной восточноевропейской державой, которая простиралась от Балтики до Черного моря и образовывала с Королевством Польским государственную унию. Если бы Литва, а не Москва объединила под своей властью разветвленных восточных славян, то русская территория до самого Тихого океана была бы сейчас частью католической Европы, не скрывая неприязни к гостю, провозгласил польский король.

Голос Сигизмунда звучал поучительно и надменно, он хотел, чтобы тайный советник отбросил свою наивность:

– Россия – искусственное государство, когда-то созданное норманнами, затем христианским крещением культивированное греками, но никогда не бывшее европеизированным. Монголы сделали из русских азиатов, которыми они и остаются по сию пору.

Гонзагу раздражала выставленная напоказ враждебность польского короля к России. Император дал ему задание, и Гонзага приступил к его выполнению, преисполненный надежды и уверенности в успехе. Он сделал попытку объяснить это Сигизмунду:

– В Великом Московском княжестве есть молодой правитель с большими перспективами. Во всяком случае, он наголову разбил татар и взял их оплот Казань. Он сейчас на подступах к взятию Астрахани, после чего Москва возьмет под свой контроль стратегический путь с севера на юг по Вол-

ге. После освобождения от монгольского ига путь в Азию для России свободен. Если Великому князю удастся завоевать всю территорию сгинувшей Золотой орды, он будет править самой большой империей на земле. И совершенно очевиден интерес, который Карл V проявляет к новым возможностям.

Сигизмунд запротестовал лишь из приличия сдержанно. Для Польши экспансивная Россия представляет гораздо большую опасность, чем Османская империя. Поэтому король работает над пактом с турками против Москвы. Гонзага содрогнулся от тактических уловок и эгоцентрических уродств местных национальных интересов в Европе, ибо Франция также заключила пакт с враждебной исламской властью турок – против Священной Римской империи!

Гонзага внимательно следил за тем, чтобы не посвящать безрассудного короля в планы императора. Однако потребность Сигизмунда в дискуссии далеко еще не была исчерпана. Он напомнил Гонзаге о настойчивой просьбе русского царя Ивана, с которой он обратился в 1547 году к императору, помочь ему с модернизацией. Поначалу император собирался откликнуться на эту просьбу и послать в Москву сотню первоклассных ремесленников, строителей, кузнецов по золоту, оружейных кузнецов и горных инженеров. Но тут запротестовали остзейские государства Польша, Дания, Швеция и Ливония, государство ордена германских меченосцев на территории Балтики. Они не пропустили делегацию им-

ператора. У специалистов были отобраны паспорта, так что не солоно хлебавши им пришлось отправиться восвояси.

Императору противники России объяснили свой демарш тем, что Великий князь Московский совершил дерзость, короновав себя царем и создав на Востоке Европы другую империю.

– Отсталое Великое княжество Московское не относится к Европе. У него неправильная религия, и оно представляет вечную опасность для императора, папы и единства Европы! – выпалил король.

Гонзага не обращал больше внимания на негодующего короля. Он с беспокойством наблюдал, как польская знать обхаживала его спутников, щедро угощала их вином и расспрашивала об их вояже. Тайный советник императора дал сигнал к отправлению. Прежде чем они доедут до границы с Россией под Смоленском, им еще предстояло скакать верхом два дня по Литве.

Гонзага задавался вопросом, ложась в постель, почему в своем преклонном возрасте он решился на тяготы такой поездки. Но приказ есть приказ. Итальянец знал Карла V со времен своей молодости и целиком разделял взгляды величайшего правителя мира. Император полностью доверял ему. Гонзага с отвращением наблюдал за тем, как Европа теряет свою целостность, и вечерний разговор с польским королем усилил это впечатление. Гордая Римская империя

в ходе спровоцированной Мартином Лютером Реформации оказалась под угрозой распада. Всего восемь лет прошло со дня смерти Лютера, а половина Европы уже была евангелической. Север Европы принял лютеранскую веру, в том числе чтобы обрести политическую независимость от императора и папы.

Европа, всегда бывшая пупом земли, стояла перед величайшими преобразованиями со времен Карла Великого. Гонзага инстинктивно чувствовал, что Карл V, уже находившийся на склоне лет, едва ли понимал значение революционных перемен. Никто не знал, что Гонзага был магистром влиятельного тайного ордена, пытавшегося за кулисами управлять судьбами Европы. Орден ведал знаниями о власти, насчитывающими века и доступными лишь посвященным. И император, и орден, по вполне определенной причине, проявляли большой интерес к России.

Ранним утром невыспавшееся посольство село в экипажи и на коней. Гонзага собирался приглашать к себе одного за другим своих самых важных спутников, даже если это заняло бы больше одного дня: известного теолога и члена ордена Якоба Андреэ, старшего сына богатой аугсбургской купеческой семьи Фуггеров, Йорга, картографа Михаэля Дрейфуса, бранденбургского зодчего Конрада Бунтшу и историка барона Фридриха фон Герберштейна. Несмотря на краткий ночной сон, все были парадно одеты, как и пристало послам. Гонзага хотел подробно проинструктировать каждого

из них, прежде чем они доберутся до Москвы.

Караван с развевающимся знаменем с двуглавым орлом продвигался все дальше на восток сквозь мрачные леса, теперь уже не останавливаясь на каждой почтовой станции, чтобы поменять усталых лошадей. Впереди скакал вооруженный эскорт, чтобы сразу отпугнуть возможных разбойников с большой дороги, прятавшихся за деревьями с грабительскими намерениями. Гонзага ощущал каждую неровность земли, иногда рослый мужчина с голым черепом ударялся о крышу кареты. Черная пыль покрывала его дорогие одежды. При сильном дожде сопровождающие его всадники молили об укрытии на ближайшей почтовой станции на краю дороги. Однако предводитель не давал передышки, он очень торопился попасть в Москву.

Гонзага впустил в карету своего ближайшего соратника Андреэ. Ему он доверял больше, чем другим, хотя тот и был лютеранином. Как-никак, они уже много лет были членами одного и того же ордена. Здесь, в карете, они были защищены от глаз и ушей их императора.

По своему обыкновению, Гонзага начал издалека. Карл V Габсбург управлял самой большой империей на земле – «где никогда не заходило солнце». Помимо Германии, Испании, Австрии и Нидерландов, он называл своими такие вновь открытые континенты, как Южная Америка, Индия и Филиппины. Испанский флот господствовал на мировом океане, а равноценный турецкий флот не отваживался даже выйти из

Средиземного моря в Атлантику. Торговля полезными ископаемыми и сырьем из новых колоний процветала и наполняла государственную казну. И тем не менее Карл V мрачно смотрел в будущее.

Великая, насчитывающая семьсот пятьдесят лет, мечта Карла Великого об единой Европе была разрушена. Своими девяноста пятью тезисами против католической церкви Лютер в 1517 году устроил политическое землетрясение, какого Европа еще никогда не переживала. Силой, отлучением от церкви и инквизицией ничего нельзя было сделать против раскола церкви. Мощная Англия, Швеция и северогерманские курфюрсты превратились в покровителей протестантизма. Карлу V ничего не оставалось, кроме как заключить унижительный религиозный мир с курфюрстами, чтобы не дать распасться империи. Гонзага сказал тогда императору:

– После Вормского сейма вам следовало отправить еретиков на костер.

Теолог Андреэ вздохнул украдкой. Ну когда же себялюбивые правители наконец поймут, что мировой порядок давно стал другим? Власть Священной Римской империи могла бы еще просуществовать четверть тысячелетия, но расцвет других великих держав постоянно бы ослаблял ее. Прежде всего более образованным стал европейский народ. Иначе, нежели в предыдущие столетия, влияли на человеческое мышление научные исследования. Астроном Николай Коперник доказал, что не Солнце вращается вокруг Земли, а наоборот. Им-

ператору, не признающему научный прогресс, следовало отправиться в монастырь и отречься от престола.

Гонзага строго поставил на место своего сподвижника:

– Император постоянно разъезжает со своим двором с одного места на другое, держит руку на пульсе времени. Он способствует развитию нового духа времени, возрождает демократическую правовую культуру поздней античности. Он осознает, что темная эпоха Средневековья, когда человек фокусировался исключительно на загробной жизни, закончилась. Он восхищается живописью Микеланджело, Рафаэля и Дюрера, часами медитирует перед этими рукотворными произведениями искусства и заказывает свои портреты самым знаменитым художникам.

Андреэ пока видел лишь грядущие мировые перемены. Изобретенное в Майнце Иоганном Гутенбергом книгопечатание гарантировало основу для всеобщего образования в Европе, тяга к знаниям увеличивала жизнелюбие народа, человечество начинало размышлять в духе гуманизма. Философы, как, например, англичанин Томас Мор, разработали модели будущих, социально справедливых обществ, в которых все люди должны быть равны. В тайном ордене поговаривали, что подобная утопическая общественная система когда-нибудь возникнет во Франции и в России. Трудно себе такое представить, ведь современного Великого княжества Московского не коснулись идеи Ренессанса и Просвещения.

В прыгающей по кочкам карете тайный советник вдруг ух-

мыльнулся, взглянув на теолога. Тот был неотличим от Лютера. Гонзага попросил Андреэ не затевать в Москве никаких диспутов о гуманизме. Целью этой поездки не является обращение России в католичество. Эта задача, по мнению императора, отодвинута в далекое будущее. Сначала ему надлежало провести коренную реформу церкви в собственном европейском доме, чтобы спасти религиозный мир, а затем начать контрреформацию.

Гонзага подошел к главной задаче поездки:

– Император видит в России фронтовое государство в будущей решающей войне против турок. Султан Сулейман, потомок ужасного Чингисхана, из Азии строит альтернативную великую державу в Европе, которая уже на сегодняшний день охватывает территорию от Балкан до Месопотамии, от Дуная до Нила. Турецкий флот контролирует Эгейское море и Северное побережье Африки до Гибралтара; Венеция, мальтийские рыцари – всем им будут подрезаны крылья. Сулейман уже стоял у ворот Вены. Императору нужны свежие, сильные союзники.

Андреэ задумался, может ли оказаться верным расчет императора. Испанцам недавно удалось полностью вытеснить магометан из Юго-Западной Европы. Москва прогнала крымских татар и остатки Золотой орды из восточной Европы. Намеревался ли император отважиться на совместный крестовый поход против османов или же Россия в качестве фронтового государства против ислама должна быть разме-

щена на востоке континента? У Гонзаги не было ответа, и шваб в задумчивости покинул карету.

Поздно вечером благородные путешественники доехали до пограничного города Смоленска. Польские сопровождающие удалились, а охрану посольства до самой Москвы взяла на себя группа русских всадников. Не произнося ни слова, эти крепкие мужчины в кольчугах, вооруженные мечами и копьями возглавили следующий за ними караван.

Встреча состоялась на постоялом дворе при почтовой станции. Царский посланник представился иностранному посольству при полном параде: русский полководец, блестяще говоривший по-немецки и по-французски. Звали его Дмитрий Орешек. Это был русский дворянин татарского происхождения. Последовав его совету, делегация из Европы устроилась на ночлег на постоялом дворе. Гонзага надеялся, что здесь за ним, по крайней мере, не будет слежки. Орешек оказался жизнерадостной особой и выдающимся дипломатом с тонким чутьем на полутона. Быть может, он всего лишь притворялся, развлекая гостей историями из своей службы пограничным часовым и потчuya шутками о голодных волчьих стаях и медведях, рыскавших в местных непроходимых лесах.

Ночь выдалась беспокойной. Отчетливо слышался волчий вой, доносившийся из мрачного черного леса. Денщики торопливо подыскивали укрытие для лошадей в конюшнях

почтовой станции. Стражники разожгли костры для отпугивания зверья и всю ночь, вооруженные ружьями, несли вахту во дворе. Гонзага спал в хозяйском кабинете, под висевшей в углу иконой мерцала лампадка. Католик перекрестился перед образом левой рукой, как того требовала вера. Деревянный пол заскрипел под ним, когда, помолившись, он подошел к окну и увидел две закутанные фигуры, вышедшие из дома и прокрававшиеся мимо полыхавших костров.

Мысли его все время возвращались к заданию императора. Он должен был найти правильный личный подход к царю. К сожалению, в его делегации был лишь один человек, лично знавший Ивана: Герберштейн, сын прежнего императорского посланника в России. Сам Гонзага еще не имел ни малейшего представления, как выглядел двадцатичетырехлетний правитель. На Западе пока еще не было его портретов.

Неожиданно в дверь тихонько постучали. Гонзага на всякий случай положил руку на рукоять своего меча.

– Легко на помине, – вырвалось у него при виде входящего в освещенную свечами комнату молодого Герберштейна.

– Сударь, среди членов вашего посольства есть шпионы. Я слышал, как два человека за конюшней говорили по-русски. Лиц их я, к сожалению, не смог разглядеть, – сообщил сын дипломата. Гонзага изнемогал от усталости. Завтра он во всем разберется.

Здесьняя природа в своем многообразии отличалась от

тех мест, по которым ранее проезжали путешественники. Широко раскинувшиеся поля простирались до самого горизонта. Самыми примитивными орудиями крестьяне в поте лица своего собирали с пашни остатки урожая. Меланхолические песни крестьянок, издавеза доносившиеся до иностранных гостей, навевали первое впечатление о внутреннем состоянии души большой, незнакомой страны, жители которой вечно боролись с природой за выживание. Несколько любопытных подбежали к краю дороги, чтобы поприветствовать поклоном проезжающую мимо высокочтимую колонну всадников. Однако головной отряд тут же прогнал их.

Стояли последние теплые осенние денечки. Гонзага содрогался при одной мысли, что ему придется зимовать в чужой Москве. С другой стороны, из-за морозов и занесенных снегом дорог возвращение в Европу было возможно лишь с наступлением весны. Посольство было готово к этому. В гостеприимных московских купеческих домах они в бодром настроении переживут самые жуткие морозы.

– Как вы воспринимаете переход из католического в греческо-православный мир? – поинтересовался миланский губернатор у Герберштейна, сидевшего теперь рядом с ним. Советник посольства был как раз занят тем, что инспектировал пограничные сооружения и дорожные укрепления, и был погружен в свои записи. Его наметанный глаз отмечал каждую деталь на краю дороги, порой отрезок пути был даже покрыт щебенкой. Опытный полководец, Гонзага наблюдал

за работой молодого спутника и наконец спросил, что тот думает о целях Великого князя – хочет ли он лишь восстановить торговый маршрут в Европу или все же вынашивает стратегические военные планы, расширяя дорогу.

Какое-то время они молча наслаждались поездкой, а потом Гонзага потребовал рассказать ему подробнее о личности царя. Герберштейн основательно подготовился к этому вопросу, тем более что он родился в России, когда его отец служил там германским послом.

– Иван жестокий и властолюбивый параноик. До того как в семнадцать лет он водрузил себе на голову царскую корону, он считался безвольным орудием в руках различных боярских родов в Кремле. Его отец, великий князь Василий III, умер вскоре после его появления на свет. Потом правила его мать как опекунша юного наследника, однако была отравлена соперничавшими боярами. Свое отрочество будущий царь провел в окружении политических интриг. В тринадцать лет он неожиданно проявил характер. Натравив на своего двоюродного деда охотничьих псов, растерзавших его, он таким образом завоевал необходимый авторитет.

Гонзага опустил глаза. Такие инциденты случались и в европейских правящих домах. Герберштейн рассказывал дальше:

– Иван одержим дьяволом. В детстве он развлекался тем, что сбрасывал живых животных с кремлевской стены и наблюдал за их смертельными муками. Подростком он гало-

пом скакал верхом в сопровождении своей свиты по московским переулочкам и растаптывал каждого, кто оказывался на его пути. Депутатам из Тверской губернии, которые передали ему прошение, он в приступе ярости поджег бороды.

Гонзага сердито нахмурил лоб. Такие рассказы основывались на стереотипах западных наблюдателей, с которыми несправедливо обошлись в Москве. При дворе императора Карла V существовали другие свидетельства. Доходили слухи о реформаторском пыле молодого царя, о создании независимого судопроизводства – не зависимого от того или иного помещика. Расхваливали также военное искусство Ивана, продемонстрированное им в борьбе с крымскими татарами. Да, он был вспыльчив и не переносил любую критику. Однако ему удавалось производить впечатление на собеседников своей образованностью и завоевывать доверие людей.

После резкой реакции своего повелителя Герберштейн поспешил дополнить портрет русского правителя позитивными чертами. Он посоветовал, о чем лучше заговорить с царем, чтобы польстить ему.

– Иван – один из самых образованных правителей в Европе, говорит на многих языках, читает и не утомимо собирает античные и новые книги. Едва ли найдется кто-нибудь более сведущий в религиозных вопросах, чем он. Царь сам сочиняет музыку к церковным песнопениям, играет на музыкальных инструментах, не пропускает ни одного богослужения, собственноручно проектирует строительные планы,

импонирующие даже ведущим итальянским архитекторам, коих он пачками приглашает в Москву. В его лице вы найдете просвещенного современника, — пообещал дипломат.

Гонзага любовался бесконечной березовой рощей, мимо которой они проезжали. Сбившись с пути, в этой белой чащобе можно было легко заблудиться. Он взял на заметку, что западная часть страны была малонаселенной. Но по отдельно разбросанным усадьбам с господскими домами и изукрашенными церквями нельзя было не заметить, что благополучие и бедствия крестьян сильно зависели от местного помещика. Гонзага жестом приказал барону уступить свое место в карете следующему сопровождающему.

Бунтшу, известный дворцовый зодчий из Бранденбурга, примкнул к путешественникам лишь в Потсдаме. Ему объяснили, что в Москве понадобится не его зодческое искусство, а его познания в области полезных ископаемых в Европе. Бунтшу руководил обществом по разработке природных ресурсов в Миттельмарке и соляного рудника в Белице. Он поставлял сырьевой материал для чеканки монет в империи Габсбургов. Гонзага предчувствовал, что посвящение этого человека в цели посольства потребует больше времени. От этого слегка ветреного дипломата в качестве свидетеля он бы охотно отказался, но его экспертиза была для посольства неотъемлемой составляющей. В Габсбургской многонациональной империи даже сам император подчас не знал, какие личные интересы преследуют его самые высокопостав-

ленные чиновники.

Как и Андреэ, Бунтшу объявил себя протестантом, однако ортодоксальному католику Гонзаге и в этот раз пришлось поступиться личными предубеждениями ради миссии. Русская православная церковь враждовала с папой римским, а не с Лютером. Быть может, русские с большим доверием отнесутся к протестантам в его посольстве. Поскольку Бунтшу не говорил по-французски, мужчины перешли на немецкий.

Гонзага начал издалека, Бунтшу сосредоточенно внимал ему:

– Мы живем в беспокойные времена, наш мир становится все больше и больше. Полвека тому назад Колумб открыл для Португалии Американский континент, а немного позже Васко да Гама – морской путь в Индию. Контроль над океанами и новыми морскими путями, торговля товарами Нового Света – все это изменяет соотношение сил между европейскими государствами. В особенности наступают атлантические соседи. История христианского мира – всего лишь малая часть гораздо большего целого. Сегодня на планете живут 460 миллионов людей, из них только 84 миллиона – в Европе. И тем не менее мы – благодаря своей прогрессивности – завоюем остальной мир.

Бунтшу удивился про себя, откуда Гонзага взял такие цифры. Может, дело в том, что полководец якобы стоял во главе бывшего ордена тамплиеров, как нашептал ему на ухо кто-то из посланников? Но инквизиция вроде уничтожила

этот орден двести пятьдесят лет тому назад. Существовала ли все еще эта овечья мифами институция как некое тайное мировое правительство? И Гонзага дергал за нитки, когда речь в империи заходила о тайном знании? Во всяком случае, у него были контакты с Францией – страной, с которой Карл V соперничал за господствующее положение на континенте. Бунтшу нисколько не сомневался, что и французы проникли в посольство.

Гонзага объяснил бренденбуржцу, почему хотел поговорить с ним наедине:

– В то время как испанские конкистадоры эксплуатировали Южную Америку, английские мореплаватели искали морской путь в далекую, сказочно богатую страну Китай. Они хотели узнать, как можно попасть через ледяное Северное Полярное море в Азию. И надо же: ровно год назад англичанин Ричард Чанселлор действительно открыл северо-восточный проход по Белому морю. Он высадился в Архангельске, на самом северном берегу в Полярном море, на земле Великого Московского княжества.

Бунтшу не смог удержаться от насмешливого замечания:

– В то время как индейские туземцы почитали завоевателя Колумба как божество, русские пограничные воины встретили Чанселлора, наверное, куда менее почтительно. Скорее как шпиона, видимо?

– Местный губернатор незамедлительно доложил царю, после чего Иван пригласил иноземных пришельцев к себе в

Москву, – невозмутимо продолжил Гонзага. Он процитировал сообщения германского посланника в Москве, где тот отчитывался, как англичане на своем торговом судне проникли внутрь страны и заново открыли старые речные пути сообщения, использовавшиеся викингами полтысячелетия тому назад для сношений с греческой Византией. В будущем уже не надо будет отправлять на Восток караваны по древнему Шелковому пути. Судоходному сообщению принадлежит будущее.

Немного завистливо прозвучали описания торжественных банкетов, которые молодой царь дал в честь английских купцов. Похоже, Москве наконец удалась долгожданная кооперация с Европой. Иван делал все, чтобы ублажить гостей. Однако немецкие шпионы в Кремле докладывали и совсем чудовищные вещи: в будущем Иван позволил англичанам свободную торговлю на всей русской территории! Тем самым они обеспечили себе превосходство над другими европейскими державами в торговле с Китаем, Персией, Средней Азией, Индией, где они могли строить свои шелковые и чайные мануфактуры и куда они теперь могли попадать непосредственно через русские территории.

Гонзага перешел к самому существенному пункту своей беседы. Бунтшу, единственного из всего посольства, следовало подробнее посвятить в планы Священной Римской империи. Собственно, для этого он и был приглашен.

– Английская разведка обнаружила несметные сокрови-

ща в России: дерево, медь, смолу, деготь, кожу, воск, пеньку, зерно, меха и прежде всего гигантские запасы золота и серебра! Практически они лежат у европейского порога. Добывать их и вывозить проще, чем импортировать сырье из южноамериканских колоний.

Гонзага сам пришел в восторг, представив объемы предполагаемых полезных ископаемых. Целые военные флотилии можно было построить из качественной российской древесины, а из меди отчеканить монеты. Бунтшу с трудом узнавал обычно такого сдержанного полководца. Но итальянец был взбешен тем, что Иван только англичанам позволил основать Московскую компанию. Единственные из иностранцев, они могли строить на русских реках беспошлинные торговые перевалочные пункты.

Бунтшу не мог поверить в такую монопольную привилегию:

– И чего же Москва требует в ответ? – Гонзага пожал плечами. – Если появится торговый союз москвитов с Англией на Балтийском море, возникнет опасная конкуренция с германским Ганзейским союзом, – предостерег бранденбуржец.

Гонзага подтвердил, что императора мучили те же опасения:

– Карл V хочет вытеснить англичан из России. А вы специалист, который должен разработать с царем немецко-русский совместный проект добычи полезных ископаемых в Сибири.

Бунтшу недоверчиво посмотрел на Гонзагу. Он надеялся, что старый интриган не будет вести себя с царем как школьный учитель, тем самым подставляя под удар все посольство. Любые параллели с экспедицией испанца Эрнана Кортеса, которому три десятилетия тому назад удалось в Южной Америке завоевать государство ацтеков всего с одной тысячей воинов, здесь не срабатывали. Русские не были дикими туземцами, которых можно было колонизировать. Они хотели сами добывать свои полезные ископаемые и выгодно их продавать.

На один важный вопрос Гонзага должен был ответить. Сын императора, Филипп, король Испании, ведь как раз женился на новой английской королеве Марии Тюдор.

– В геополитическом соперничестве в Европе это вообще ничего не изменит, – примирительно вздохнул полководец. А потом открыл своему спутнику еще одну тайну: – Иван IV очень заинтересован в женитьбе на сестре Марии Елизавете, ближайшей наследнице английского престола. Наша задача – отговорить его от этого, иначе Россия и Англия образуют новое владычество на Балтийском море.

Бранденбуржец вытащил свой короткий меч и почесал им усы. Рядом с каретой скакал молодой Йорг Фуггер, чья семья на свои заработанные на торговле пряностями деньги тридцать лет назад приобрела императорский титул для Карла V. Прошлой ночью у Бунтшу был с ним длинный разговор. Фуггер намеревался выяснить в Москве возможность основания

биржи и первого банка в России. Он считал, что России пора преодолеть свою экономическую отсталость и наконец уйти от товарообмена. Если у богатого купеческого отпрыска появилась бы такая возможность, он бы лично растолковал царю преимущества европейской кредитной системы для России.

Гонзага также устремил свой взгляд вдаль. Пейзаж менялся, они проезжали по деревянному мосту через широкий водоем. Теперь на их пути по тракту попадались и другие экипажи и повозки. Они перевозили в различных направлениях тяжелые грузы. Почтовый дилижанс, запряженный тройкой лошадей, ехал навстречу посольству. Кучер что-то выкрикнул, щелкнул кнутом и рискованным виражом объехал их справа по краю дороги. Гонзага саркастическим тоном прокомментировал лихаческий объездной маневр:

– Лорд Чанселлор возвращается в Лондон. Пока что.

Гонзага наблюдал за молчаливым ландскнехтом, приблизившимся теперь к его карете на белом жеребце. Он был посвящен в другую, хотя и несравненно меньшую тайну, о которой другие члены посольства не должны были узнать. Итальянцу нравилось огнестрельное оружие всадника. Обычные пистолеты набивались порохом, затем заряжались каменной пулей и, наконец, поджигались с помощью фитиля. Долгая процедура, отнимавшая слишком много времени в бою. К тому же пуля не всегда выходила из ствола и имела лишь небольшую дальность стрельбы. Ручное огнестрельное

оружие этого великана выглядело более удобным в обращении, легким и эффективным. Гонзаге захотелось непременно испробовать незнакомое оружие. Незадолго до прибытия посольства в русскую столицу Гонзага проинструктировал еще одного участника миссии. Ученый Дрейфус поднялся к нему в карету. Ему предводитель посольства дал самое опасное задание. Московское княжество вооружало свою армию новыми пушками для предстоящей войны. Проникнуть каким-либо образом в самый большой пушечно-литейный двор было не так уж сложно. Императору доложили, что тактический пушечный обстрел татарской крепости Казань был решающим в победе русских. На Западе терялись в догадках по поводу боеспособности и вооружения русской армии и, естественно, желали прояснить вопрос.

Гонзага отпустил его со словами:

– Московиты пыжятся от самодовольства после избавления от монголов. Никто и подумать не мог, что они покорят неприступные вражеские крепости на Волге. Однако победа России меняет и Европу, которая задается вопросом, в каком направлении в будущем будет развиваться Россия. – Гонзага задумался о главной цели императорского посольства в России. Хорошо, что после разгрома крымских татар была устранена опасность появления гигантской мусульманской империи от Дуная до Тихого океана. Но Запад во что бы то ни стало хотел предотвратить появление огромной евразийской империи с центром в Москве, которая могла бы

разрастись и превратиться в его врага.

Через пять дней они наконец увидели долгожданное великое чудо света. Отряд всадников остановился как вкопанный на гребне холма. Перед ними лежала Москва, в центре которой на холме над Москвой-рекой возвышалась полуторавековая кремлевская крепость с позолоченными куполами импозантных храмов – построенная, чтобы защитить восточный фланг Европы от наступающих татарских орд.

Чтобы произвести впечатление, Гонзага распорядился как следует отмыть и отполировать свою карету на последнем перевалочном пункте. Посольство было встречено со всеми почестями, традиционным хлебом с солью как знак гостеприимства. Затем высоких гостей из Европы проводили в защищенный городской стеной богатый купеческий район. Отныне в их распоряжении была резиденция датского посланника. Дом был благоприятно расположен, в непосредственном соседстве с большим каменным зданием, снятым Московской компанией – английским торговым представительством. Английские коммерсанты были довольны своим пребыванием в Москве. Ночи в Китай-городе, торговом квартале вокруг Кремля, принадлежали им. Они считались царскими любимчиками. Только во времена постов им приходилось воздерживаться от своих пьяных оргий.

В шесть утра вся Москва была разбужена громким колокольным звоном. Сам царь, как и каждый день, рано встал к утренней молитве, потом поднялся по длинной лестнице

колокольни Ивана Великого высотой шестьдесят один метр и сам начал звонить. Звонил без усталости и без сострадания к своим сонным подданным. Напуганное посольство собралось в предрассветных сумерках у угловой арсенальной башни Кремля, с Гонзагой посередине. Царя они не видели, но ощущали на себе его железный взгляд с огромной высоты.

Москва была построена совсем иначе, чем многие европейские города. Она походила на крепость, части города были отделены друг от друга оборонными сооружениями. После последнего опустошительного набега татарских конников более тридцати лет тому назад тогдашний Великий князь Василий III, отец Ивана, заменил прежние деревянные ограды цитадели оборонными сооружениями из прочного кирпича. Кремль теперь состоял из семи охраняемых входов через ворота и тринадцати башен с бойницами. Отныне даже тяжелые орудия не могли повредить городскую стену. Гонзага обнаружил сходство со старинными крепостными укреплениями итальянских городов.

Он был доволен тем, как протекала миссия. Как сообщил ему венецианский посланник, единственный иностранный посол, который имел право жить в Кремле, царь готовит аудиенцию. Но сначала ему надо оправиться от тяжелой болезни.

– На Ивана совершено ужасное покушение – его пытались отравить, – по секрету сообщил дипломат. Осторожно озираясь по сторонам, он добавил: – Если бы британский врач

вовремя не подоспел, царь был бы сейчас мертв, а вопрос власти остался бы открытым.

– Это было бы хорошо или плохо для Римской империи? – поинтересовался Гонзага.

Венецианец не сомневался ни секунды:

– Царь – реформатор. Под его властью страна может стать более современной и европейской. Бояре заседают в Боярской думе, вместе с царем управляют страной. Раньше Россия управлялась из центра, теперь же государь отнюдь не правит самодержавно. По всей стране существует коммунальное самоуправление – земские соборы. Избирается городской голова, независимые суды, с 1550 года существует единый свод законов.

Накануне Гонзаге позволили посетить книжную типографию в центре города. Ему объяснили, что царь не намерен больше терпеть безграмотных среди своей элиты. Он это называл прогрессом. По пути в купеческий квартал Гонзага встретил отряд стрельцов. Официально приставленный к нему дворянин Орешек доверительно рассказал, что царь хочет заменить старые боевые части, состоящие из необразованных и недовольных дворянских и крестьянских сыновей, на более пригодную профессиональную армию.

– У царских реформ много противников, – посвящал Орешек гостя в дворцовые интриги. – Существует слишком сильное противостояние, особенно среди бояр-старожилов, но и со стороны церкви, не желающей терять свои громадные

земельные угодья.

От Гонзаги отнюдь не укрылось, что Орешек искал контактов с его сопровождающими Андреэ, Фуггером, Бунтшу и Дрейфусом. По зрелому размышлению, тайный советник решил не вмешиваться в ход событий в надежде, что Орешек удастся привлечь на свою сторону. Орешек оказался крайне интересной персоной. Его прадед был татаро-монголом по имени Орхат-Урба, во второй половине XIV века бывший послом Великого хана Золотой орды при дворе Великого князя Московии. В свое время Орхат-Урба считался известным ученым, изучавшим ислам в Персии. После первой исторической победы русских над татарами на Куликовом поле в 1380 году он перешел в православие и женился на племяннице победителя Золотой орды Великого князя Дмитрия Донского, после чего ему было пожаловано дворянство.

Дрейфус, который по заданию Гонзаги занимался наведением справок по всей Москве, доложил ему:

– Отец Орешка служил у отца нынешнего царя полководцем. После смерти Василия III он впал в немилость у бояр. Однако малолетний Иван тяготел к нему и наградил его, сам став царем, доходным местом при дворе. Очевидно, царь и посылал своего поверенного за границу, где тот изучил несколько иностранных языков.

Гонзага выразил желание посетить торговую площадь у Кремля. Помимо Орешка он из осторожности взял с собой Герберштейна и Бунтшу, опасаясь толчеи на огромной

площади, забитой ларьками и торговцами. В центре площади стояла большая деревянная церковь в честь Богоматери и как символ окончательной победы над татарами. Перед церковью они встретили итальянских зодчих, которые с готовностью рассказали им о полученном заказе возвести на том же месте мраморную базилику со множеством капелл, увенчанных куполами.

Посланник был поражен большим числом высокооплачиваемых европейских специалистов. Лучшие итальянские зодчие жили здесь практически со времен Ивана III, деда теперешнего царя. Они строили в русских городах европейские крепости и церкви, возводили дворцы для знати. Гонзага спросил себя, почему Великие князья полагались исключительно на заимствованные изобретения вместо того, чтобы использовать творения местных мастеров.

В городской жизни с каждым, кто был узнаваем как европеец, обходились почтительно. Западные торговцы пользовались большим уважением, были неподсудны и пользовались уголовным иммунитетом – необычная привилегия, которую даровал им Иван IV. В ответ они должны были рассказывать царю истории своих родных стран.

Через несколько дней высокое посольство было у цели. Ни свет ни заря они были разбужены колокольным звоном. После литургии прямо перед их резиденцией появился конный патруль. Вельможи должны были принарядиться. Осо-

бое чувство, что они прикоснутся к мантии истории, охватило императорского легата, когда через ворота Спасской башни они въехали в непримечательную снаружи цитадель.

Спустя несколько минут посольство прошло через искусно расписанный религиозными мотивами вестибюль дворца. Иван IV вошел в роскошный приемный зал, сопровождаемый своим духовником Сильвестром. Оба помолились перед освещенным свечами иконостасом, затем царь взошел на свой трон и с достоинством взглянул на одетых по последней итальянской моде делегатов германского императора.

– Импозантная фигура, – шепнул Дрейфус на ухо стоящему перед ним предводителю посольства. Двадцатичетырехлетний рослый Иван возвышался над всеми собравшимися боярами «Избранной Рады». Министр иностранных дел Иван Висковатый и начальник канцелярии Адашев, уже нанесшие до того визит вежливости немцам в купеческий квартал, приблизились к трону своего государя. Среди стоявших русских Гонзага узнал несколько самых верных соратников царя, отличившихся в битве за Казань.

Гонзага бесстрашно всматривался в бородатое лицо правителя. Высокий лоб свидетельствовал о недюжинном интеллекте, однако беспокойные глаза выдавали душевные метания и капризную натуру. Выдающийся нос с горбинкой придавал лицу особую строгость, однако голос был мягким, даже музыкальным. Мужчина на троне был облачен в вытканную золотом мантию, голову его украшала усыпан-

ная драгоценными камнями норковая шапка, на ногах были красные кожаные сапоги. В руке он держал украшенный золотом скипетр из драгоценного камня. Через высокие окна на собравшихся падал яркий свет.

С поклоном в пол Гонзага передал Великому князю Московскому несколько дорогих подарков от имени Карла V. Среди них было апокалиптическое полотно кисти нидерландца Иеронима Босха, тяжелые золотые солнечные часы и сенсационная книга «О вращении небесных сфер» Николая Коперника – о гелиоцентрической картине мира. Иван собственноручно распаковал подарки и, удовлетворенный, поблагодарил. Он разглядывал одежду тайного советника. На Гонзаге был прилегающий брючный костюм, остроносые туфли, а также короткий норковый полушубок. Широкие надплечья и пестрая шляпа бросались в глаза, равно как и меч, который он непринужденно носил на поясе. Царь разглядывал роскошно одетого итальянца, размышляя, какие цели тот преследовал в действительности. Поблагодарив за дары, царь сухо заметил:

– Вскоре я ожидаю подарок от английской королевы: двух хищников, африканских львов, и слона. Они уже на пути ко мне. – Переводчик перевел слова царя на немецкий.

Намек на критику нисколько не вывел из себя Гонзагу. Как дипломат с многолетним стажем он прошел огонь, воду и медные трубы, знал в деталях придворный этикет и преследовал лишь одну цель: успешно выполнить задание им-

ператора. Он подозвал кивком своего личного переводчика – юношу с длинными белокурыми волосами и безбородым лицом – и озвучил цель германского посольства.

Первое: вступление России в священный антитурецкий альянс на стороне Запада – с императором и папой римским. Для крестового похода император вооружит Россию самой современной военной техникой. Каково вознаграждение? Османская столица Константинополь, бывший центр Византии. И снятие экономического эмбарго с России, плодотворное сотрудничество с Ганзой в водах Балтийского моря. Защита торговых интересов России Ганзейским союзом во всех странах.

Второе: уравнивание немецких купцов с привилегированными английскими, открытие торговых путей для перевозки немецких товаров вплоть до Каспийского моря и в Азию, совместная добыча полезных ископаемых. Ответная услуга: открытие самого крупного товарного перевалочного пункта в Лейпциге для русских торговцев и перевозка мануфактурной техники из Германии в Россию.

Министр иностранных дел Висковатый и князь Андрей Курбский, верный сподвижник Ивана с юношеских времен, захлопали в ладоши. Они мечтали содействовать ориентации на Запад – любыми средствами. Лишь европеизация могла бы освободить Великое Московское княжество от Средневековья.

После того как белокурый переводчик закончил свои по-

яснения, разразился часовой словесный поток царя, на всю жизнь врезавшийся в память всех присутствовавших. Он вошел в анналы придворных отчетов из России. Русскому правителю было важно продемонстрировать высоким иностранным гостям, что он не проситель, а фигура, равная габсбургскому императору. Россия никогда не будет частью Запада.

– В VII веке, в пору расцвета Восточной Римской империи, когда Рим еще находился под властью варваров, император Ираклий отчаянно сражался с наступавшими персами на Востоке и с основанной Мохаммедом боевой мощью новой религии – ислама. Персы захватили Иерусалим и похитили третью часть Животворящего креста, на котором принял мученическую смерть Иисус Христос. В IV веке, как известно, Крест был обнаружен почти невредимым при раскопках в Святой земле Еленой, матерью императора Константина. Елена разделила реликвию на три части. Две первые она вручила папе римскому и императору в Константинополе. После похищения иерусалимской части Креста прошло пятнадцать лет, прежде чем Ираклий одержал победу над персами и собственноручно вернул величайшую святыню христианского мира в храм Гроба Господня. При взятии в 1552 году татарской крепости Казань героическое достижение Ираклия, совершенное девятьсот лет тому назад, было повторено; победа Креста над исламским полумесяцем была закреплена. Взятие Казани стоило нам многих жертв. Татары упорно сопротивлялись, во время осады перереза-

ли своих русских рабов. Мы подорвали стены, разрушили водоснабжение, и в итоге наши доблестные воины одержали победу. При взятии турками Константинополя в 1453 году было наоборот. При этом первом в военной истории массовом артиллерийском обстреле противоположная сторона обладала более опытными пушкарями. Взяв Казань, я обратил вспять падение Константинополя, означавшее символический конец двухтысячелетней Римской империи. Как царь всей России я наследник византийских императоров. Моей бабушкой была Софья Палеолог, племянница последнего императора Византии. Как религиозный самодержец я сегодня высший покровитель православной веры. Россия – государство-наследник погибшей Восточной Римской империи. Рим был колыбелью христианской цивилизации, Константинополь – Вторым Римом. Москва – Третий Рим. Четвертого не будет. Сущестующая со времен Карла Великого новая Священная Римская империя на Западе – католическая, то есть отошедшая от истинной христианской веры. Так же раздельно, как протекало цивилизационное развитие Западного и Восточного Рима, продолжает существовать раскол церкви в сегодняшней Европе. При этом Запад все время хочет колонизовать Восток. Символичны деяния Великого Новгородского князя Александра Невского, моего прямого предка из династии Рюриковичей. Триста лет назад ему поступило с Запада предложение подчиниться папе римскому, перевести Русь в католическую веру, а за это получить защиту орде-

на германских меченосцев от монгольских захватчиков. Но Александр договорился с Золотой ордой, пообещавшей не прикасаться к православной вере. В итоге он наголову разбил наступавших шведов и германских крестоносцев. Ливония, государство германских рыцарей-крестоносцев, созданное, чтобы колонизовать славян и православных на Востоке, и до сих пор существующее, блокирует России выход в Балтийское море и тем самым к мировой торговле. Латинские крестоносцы в свое время способствовали падению Восточной Римской империи. Ливония – наш враг. Римский император должен распустить орден, а страну уступить России.

Иван давно уже не усидел на своем троне. Самодержец расхаживал по центру зала. Собравшиеся стояли на почтительном расстоянии от него. Взгляд царя скользил по рядам стоявших перед ним высокопоставленных лиц. Неожиданно он показал на со вкусом исполненные настенные росписи:

– Иконописец Андрей Рублев рисует не хуже, чем Микеланджело, мозаики в апсиде Софийского собора в Константинополе ничуть не уступают статуям собора Святого Петра в Риме. Вы все изумитесь, увидев еще одно чудо света – церковь Положения ризы Божией Матери на Соборной площади Кремля.

Гонзаге представилась возможность согласиться с царем или возразить ему. На этот раз опытный дипломат выбрал неверный тон:

– Император больше не распоряжается Ливонией, после

Реформации это государство перешло в протестантизм и находится под защитой Швеции.

Иван прищурил глаза и провел рукой по бледному лицу. Повисла короткая пауза, пока он пытался обуздать свой нарастающий гнев против чужаков.

– Почему западные посланники никогда не считаются с русскими интересами, – буркнул царь. Радость от встречи сменилась глубоким недоверием. Иван опять поднял голос:

– Англичане мне милее, чем император. Англия не собирается нас латинизировать. С османским султаном, если будет нужда, я могу договориться. Его самая могущественная наложница Роксолана – похищенная дочь русского священника. Великий визирь Ибрагим – взятый в плен сын православного греческого рыбака.

Аудиенция у царя подходила к концу. Иван IV искал повод отпустить императорское посольство. Он поднялся, и вместе с ним все присутствующие. В соседнем зале столы ломились от изысканных яств. Традиция предполагала большое количество умных, произнесенных к месту тостов, которые могли бы понравиться хозяину стола и настроить его на миролюбивый лад.

В заключение царь пригласил посланников подольше пожить в его стране. Бранденбуржцу Бунтшу он позволил совершить экспедиционную поездку для исследования залежей полезных ископаемых в северо-восточной части России. Гонзага выглядел весьма довольным этим частичным успе-

хом. Он тут же дал указание Дрейфусу, Герберштейну, Фуггеру и Андреэ сопровождать Бунтшу в этой новой важной разведывательной миссии. Делегации стоило незамедлительно отправляться в путь, пока англичане не обратились к царю с протестом против поездки немецких конкурентов.

После не пьянеющих бояр настала очередь иностранцев провозглашать тосты. Гонзага, воздавший должное вину из царских погребов, поднял чашу за будущее сотрудничество от Атлантики до Тихого океана, которое сделает возможным торговое соглашение, обеспечивающее взаимную выгоду, двустороннюю защиту от ислама, а также распространение универсальных гуманистических ценностей.

Усыпанное звездами небо ярко поблескивало этой ночью, когда императорское посольство было доставлено на отведенную им виллу. Однако о ночном покое не могло быть и речи. Делегаты оживленно обсуждали, насколько успешным можно считать их посольство в Москву. Гонзага чувствовал, что царь так и не дал прямого ответа императору.

Снаружи открывался вид на широкую Москву-реку. Сверкающие звезды отражались в речной глади. Наверху, за зубцами кремлевской стены, стоял царь, а рядом с ним его итальянский звездочет.

– Среди приехавших находится прибывший из Франции ясновидящий, – доложил он удивленному царю. – Он выдал мне ваш гороскоп. Он гласит, что вы будете править долъ-

ше, чем кто-либо из русских властителей, и в итоге сделаете Россию величайшей империей на земле.

Иван IV дал звездочету золотую монету и велел навести свою трубу на созвездие Орион в верхнем полюсе ночного неба. В звездах он предполагал увидеть тайный знак символа власти, которым суеверный царь непременно хотел овладеть.

Душераздирающий крик заставил содрогнуться выходящих из машины мужчин. Они испуганно устремили взгляды на увитую плющом стену дома. Человек, сидевший за рулем, попытался их успокоить, заверив, что ничего не случилось.

Давящая тишина окутала мрачный дом. Кроме птичьего щебетания и слабого шума моторов с прилегающей улицы, больше действительно ничего не было слышно. Алексею Ветрову теперь следовало беречь нервы. Его охватило смутное предчувствие, что в этот день, 11 сентября 1981 года, его не ожидало ничего хорошего на этой странной вилле.

Пятидесятидевятилетний Ветров уже глубоко пожалел, что добровольно сел в незнакомую машину. Для секретной американской службы ЦРУ увести его в самый разгар конференции во Франкфурте не составило никакого труда. Никто и не заметил, как двое мужчин заговорили с ним и куда-то увели. Темный лимузин с дипломатическими номерами на большой скорости мчался по скоростному шоссе, забирая вверх, по направлению к горному массиву Таунус. Они проехали развязку автомагистралей Эшборн и съехали на дорогу Кронберг – Оберурзель. Ветров неподвижно сидел на заднем сиденье, дверцы были заблокированы. За поездку похитители не произнесли ни слова.

Ветрову было ясно, что ему не вырваться из цепких лап

штатовской разведки. Он сам работал в близкой к ЦРУ организации, редактором на американском радио «Свобода» в Мюнхене. Там он ежедневно вел борьбу с советской пропагандой и просвещал своих восточных слушателей, обрисовывая истинное положение вещей в Советском Союзе. Его религиозно-политическую передачу «Не хлебом единым жив человек» слушали миллионы советских людей, несмотря на глушилки. Может, дело безобидное, думал Ветров во время поездки, – в конце концов, ЦРУ имело право консультировать специалистов, подобно ему работавших на США.

Антикоммунистическая деятельность в эмиграции была для него эликсиром жизни и самым тесным образом связывала его с тестем, Василием Ореховым. Ветров появился на свет в Москве через пять лет после Октябрьской революции. Его семья преследовалась властями и была лишена гражданства, так что юность свою он провел в Латвии. Когда Красная армия заняла Прибалтику по пакту Гитлера – Сталина, семья вновь бежала – на этот раз вопреки своей воле – в гитлеровскую Германию, где Ветров присоединился к политической эмигрантской организации по освобождению России от коммунизма. За что был арестован гестапо и прошел через несколько концлагерей: Бухенвальд, Заксенхаузен, Дахау.

Ветров симпатизировал американцам. Именно они освободили его, еле живого от голода, в апреле 1945-го из лагеря Дахау. Неудивительно, что его еще многие годы мучили ночные кошмары – избиения садистов-надзирателей и рас-

стрельные команды, которых он избежал лишь чудом. Однажды, не выдержав больше голода в концлагере, он съел слепленные из хлебных крошек шахматы соседа. Из деревянных щепок он смастерил себе крест, который прятал под одеялом. Крест спас ему жизнь – и с тех пор украшал маленький иконостас в его спальне.

В лагере Ветров всегда держался поближе к многочисленным арестованным православным священникам, они утешали двадцатидвухлетнего заключенного. В марте 1945-го он примкнул к группе заключенных, которые занимались прорицаниями французского предсказателя Мишеля Нострадамуса. Следующее пророчество распространилось среди узников концлагеря, как беглый огонь. Гитлер скоро проиграет войну.

Голодные дикие бестии перейдут через реки, большая часть поля битвы против Хистера, в железную клетку посадят Великово, дитя Германия ни о чем не догадывается.

Под Хистером (Истром), римским названием Дуная, подразумевался, конечно, Гитлер. Под бестиями – антигитлеровская коалиция. Под железной клеткой, в их интерпретации, имелся в виду бункер фюрера, из которого Гитлер никуда убежать уже не мог. Отчаявшиеся и измученные зэки повсюду искали искорки надежды.

Из автомобиля открывался впечатляющий вид на романтические горы Таунус с их характерными вершинными пла-

то. Ветрову невольно вспомнился великий Иоганн Вольфганг фон Гете, двести лет назад странствовавший по этим местам. Поэт восторженно описывал живописный вид сверху на долину Майна среди предгорий Таунуса. Он провел в романтических лесах много часов и знал здесь каждую вершину, каждую долину, каждый ручеек.

На самой высокой горе, Большом Фельдберге, возвышалась самая странная радиовышка Германии. Когда Адольф Гитлер готовился к войне, ее снабдили стальным бетонным основанием. Позже здесь обосновалось ЦРУ, с помощью усиленных антенн прослушивавшее пространства далеко за «железным занавесом».

Через полчаса машина доехала до городка Кронберг в предгорьях Таунуса. Здесь и в соседнем Кёнигштайне жили супербогатые, зарабатывавшие свои деньги в финансовом квартале Франкфурта. Водитель свернул в лабиринт переулков и улочек с односторонним движением. Он остановился у необитаемой виллы эпохи грюндерства, выскочил из машины и открыл ворота.

Джордж Колт был офицером оперативного отдела Национального разведывательного совета – аффилированного органа ЦРУ. При ближайшем рассмотрении его лицо показалось Ветрову знакомым. Он вспомнил – этот разведчик был родом из Бельгии и состоял раньше на службе в резиденции ЦРУ в Западном Берлине. Русские эмигранты перенесли туда свою деятельность после войны. Свою освободительную

борьбу они организовывали не без поддержки ЦРУ, поэтому Колт был желанным гостем в Комитете военных беженцев у русских эмигрантов на Гогенцоллерндамм, 62. И у Ветрова там был свой письменный стол. По секрету ходили слухи, что в штатовской разведслужбе никто лучше Колта не разбирался в ситуации в СССР.

Колт подстраховывал русских активистов в изгнании, когда они ночью, при особенно сильном западном ветре, запускали в воздух на немецко-немецкой границе в Рене или в Гарце газовые баллоны, до отказа нагруженные антисоветской литературой, которую они печатали в своих домашних мастерских. Баллоны незаметно пролетали тысячи километров в глубь территории Советского Союза. Потом специальное взрывное устройство взрывалось, и баллон разлетался на части вместе со своим политическим грузом над какими-нибудь населенными пунктами Центральной России. Прежде чем КГБ успевал конфисковать материал, любознательные граждане подбирали его с земли.

Колт знал, что подрывная литература должна была провоцировать беспорядки в Советском Союзе. Он также наблюдал, как неутомимые активисты вокруг Ветрова рассредоточивали вдоль границы передвижные радиостанции, чтобы на коротких волнах – несмотря на советские передатчики радиопомех – доставать до стран Восточной Европы и рассказывать правду людям за «железным занавесом». Советские спецслужбы мстили, пытаясь уничтожить лидеров эмигра-

ции и взорвать их издательство во Франкфурте/Зосенхайм. Когда Вилли Брандт стал социал-демократическим федеративным канцлером и начал проводить политику разрядки по отношению к Советскому Союзу, по просьбе Кремля он запретил эмигрантам их деятельность, из-за чего впал в немилость у диаспоры.

Колт наконец улыбнулся. С несколько большим доверием Ветров последовал за разведчиком в глубь господского дома. Не успели мужчины войти в салон, как услышали телефонный звонок. Колт снял трубку и обменялся парой фраз с информатором, который доложил ему, что министр иностранных дел США Александр Хэйг подлетает к берлинскому аэропорту Темпельхоф, где его примет западногерманский коллега Ганс-Дитрих Геншер. Геншер также прибыл на американском самолете, поскольку немецкие не имели права подлетать к Западному Берлину. Хэйг, бывший до этого Верховным главнокомандующим НАТО, слыл в международных кругах крепким орешком. Именно по этой причине его назначили главным переговорщиком с Советами.

Американцы отдавали себе отчет, как сильно тяготила вновь вспыхнувшая холодная война федеральное правительство. Западная политика разрядки, начатая Брандтом и увенчавшаяся успехом благодаря учреждению Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, была разрушена после ввода советских войск в Афганистан в конце 1979 года. Шанс на немецкое единство скрылся за горизонтом. За-

пад ответил на советскую агрессию торговым эмбарго и бойкотом летних Олимпийских игр в Москве.

Колт извинился перед Ветровым за похищение. Время поджигает, а есть большая потребность поговорить.

– Вы, русские эмигранты, ведь отвергаете восточную политику правительства СДПГ? – этот вопрос был неожиданным для Ветрова. Почему его мнение было столь важно? Колт уточнил: – Западные немцы неблагодарны. После войны мы подняли их на ноги планом Маршалла. Результатом явилось экономическое чудо, благосостояние, товарное изобилие... И теперь они не хотят больше платить в общую военную кассу. Мы должны одни нести бремя вооружения, делать черную работу, защищать Европу! – Он настойчиво посмотрел на Ветрова и продолжил: – Вы должны помочь нам своей экспертизой! Может быть, немцы правы, полагая, что их политика разрядки и примирения, нацеленная на перемены, торговля с Советским Союзом рано или поздно приведут к демократизации тамошней политической системы.

– Нет, точно нет, – возразил Ветров, наконец понявший, что нужно службе информации. Он истово заверил собеседника, что русские эмигранты отвергают восточную политику немцев. Крайне подозрительным действиям немецкой экономики, которая вопреки всем американским предостережениям упорно развивает экономические отношения с СССР, должен быть положен конец более строгим эмбарго. Трубопроводно-газовый гешефт западногерманских фирм отдает

предательством.

– Мы думаем точно так же! – похвалил его Колт. – Впрочем, население коммунистического восточного блока утрачивает свой страх. Внутреннее давление, требование соблюдения прав человека усиливается, западная демократическая модель становится все популярнее. Советская экономика дает осечку. Тамошние люди хотят свободы и такого же благосостояния, как мы. В Польше существует движение «Солидарность» – свободные профсоюзы.

Ветров усомнился в том, что рабочие на польских верфях способны взорвать коммунистический режим во всей Восточной Европе. Но Колт продолжал поучать:

– Исключительно из инстинкта самосохранения Кремль выпустит ведущих критиков режима на Запад. Так что политика перемен путем сближения принесла плоды. На военную интервенцию Москва больше не решится. Да, коммунистическая система распадается.

Ветров уже давно затаив дыхание следил за драматичными явлениями распада восточного блока. И во главе католической церкви теперь стоял польский папа, проповедовавший отработанному социализму христианскую религию в качестве альтернативной опоры.

– Вам это будет интересно, – произнес Колт и протянул своему гостю листок бумаги. Ветров бегло просмотрел текст и не поверил своим глазам. Он держал в руках предсказание, которым французский поэт Кокто много лет тому назад чуть

не свел с ума его тестя. Однако после хорошо знакомых ему слов про Октябрьскую революцию следовал новый отрывок:

После этого из рода тех, которые так долго были бесплодными, выйдет один, начиная с пятидесятого градуса, который обновит всю христианскую церковь; и меж детьми заблудших и разделенных фронтов будет заключен великий мир, единство и согласие. Различными правительствами мир будет так спланирован, что поджигатель и ответственный воинствующей партии – она развилась на почве различия религий – будет прикован цепью в самой глубокой бездне. Королевство злого, который подражал умному, в конце концов будет объединено.

Агент ЦРУ явно наслаждался этим моментом смятения своего визави. Апокалиптический язык показался Ветрову таким многозначным, а с другой стороны, таким ничего не говорящим, что, наморщив лоб, он вернул листок Колту.

– В этом предсказании, – пояснил американец, – истоки которого ваши друзья во Франции утаивают от нас, папа Иоанн Павел II объявляется могильщиком коммунизма. Он родом из Польши, которая неоднократно исчезала из истории после раздела и оккупации – и поэтому «бесплодна». Его родной город – Краков, лежащий именно на 50-й параллели.

Ветров решил держаться сдержанно. Верит ли его похититель в эту чушь или хочет заманить его в западню? Почему он упомянул тайный французский орден? Осторожно, с полусерьезной миной он спросил:

– Если холодная война закончилась, Германия, скорее всего, вновь объединится?

– В предыдущем пассаже предсказания ведь черным по белому написано: Советский Союз будет мертв через 73 года, то есть если считать с октября 1917 года – через десять лет.

Ветров тоже с напряжением ждал этой даты. Правда, он сомневался в правдивости предсказания. Но если бы оно сбылось, это была бы сенсация.

Колт кивком подозвал его к себе:

– А что вы думаете, почему коммунистические спецслужбы совершили покушение на святого отца?

– Но не из-за пророчества ведь? – в ужасе отшатнулся Ветров.

Взгляд Колта посуровел. Потом он таинственно улыбнулся.

В помещении сохранилось совсем немного очень старой мебели. На потолке висела старинная люстра, пейзажи неизвестных художников украшали стены. На софе было достаточно места, чтобы присесть. Дверь стояла открытой, время от времени в коридоре проشمывали чьи-то тени. Говорили только по-английски. Колт рассказал гостю о месте их встречи: вилла была типичной резиденцией ЦРУ, главным условием которой была конспиративность. Даже немецкое ведомство по охране конституции не знало об этом укрытии. На секунду в его глазах блеснула веселая искра, но он тут же снова посмотрел Ветрову прямо в глаза и вытащил

несколько фотографий из жилетного кармана.

Ветров застыл. На фото он узнал самого себя. Снимки были сделаны на конспиративной встрече с его кузеном Павликом, под каким-то предлогом выехавшим из СССР. Они встретились вообще впервые в 1976 году в австрийском Инсбруке во время зимней Олимпиады. Место встречи они держали в строгой тайне, чтобы уберечь Павлика от преследований на родине, поскольку КГБ запрещал советским посетителям спортивного мероприятия любые контакты с западными гражданами.

Ветрова охватила паника, когда Колт стал вытаскивать другие фотографии. Все они были проколоты. На одной Павлик был снят входящим в Электромеханический научно-исследовательский институт на Измайловской в Москве. Этот институт был секретной лабораторией, ни один посторонний не мог туда случайно войти. Фотографировали явно из машины. Почему за Павликом велась слежка? И кем – ЦРУ или КГБ? Почему Павлик не заметил своих преследователей, почему не смог избавиться от хвоста? У него же были четкие инструкции на этот счет. В любом случае Павлик был в величайшей опасности.

Ветров передал тогда Павлику на конькобежном стадионе, как ему казалось, незаметно, как в шпионском триллере, пакет с цифровым носителем из таинственного черного ящика из Форта Беар. Павлик всю свою жизнь занимался бинарной цифровой техникой с применением алгебры переключача-

тельных схем. Он был именно тем человеком, который мог помочь французам.

Вернувшись в Москву, он с помощью микроконтроллера попытался расшифровать логические компоненты на уровне файла и состоящего из миллиардов транзисторов запоминающего устройства неизвестного прибора. Павлику приходилось работать ночами, чтобы ему никто не мешал. После бесконечных лабораторных опытов по изобретенной им лазерной технологии и с помощью йодсодержащей паровой струи он наконец добился желаемого результата. Отдельные части карт памяти стали читаемыми.

По секретному каналу Павлик известил родственника, что ему удалось расшифровать черный ящик. Записи команды кокпита теперь можно было хотя бы частично реконструировать. Ветров незамедлительно передал эту сенсационную новость дальше. В Форте Беар той ночью выстрелили три бутылки шампанского.

И вот теперь Павлику грозило обвинение в шпионаже в пользу Запада, а может, и расстрел. И Ветров рисковал головой и мундиром. ЦРУ легко могло обвинить его в агентурной деятельности на Советский Союз. Он вытер холодный пот со лба. Потом сжал руками голову, мучительно размышляя, как избавиться от американцев.

Колт внимательно наблюдал за Ветровым. Снова зазвонил телефон. Голос на другом конце провода звучал нервно. Он сообщил о тяжелых эксцессах в Западном Берлине.

Движение борцов за мир, в первую очередь недавно возникшая партия зеленых, призывало к массовым демонстрациям против американских ракет на немецкой земле. На Курфюрстендамм бушевали уличные бои с полицией.

— Такая же ситуация, как во время студенческих беспорядков шестьдесят восьмого года! — голос связного агента из Западного Берлина буквально срывался.

Лицо Колта посерело. Его министр иностранных дел находился в серьезной опасности? Один раз Хейг, в свою бытность Верховным командующим НАТО, чудом избежал покушения. Левые террористы бросили бомбу под его бронированный автомобиль. От террора фракции Красной армии против военных баз США ЦРУ становилось постепенно жутко. А потом еще было покушение на самого президента! Рональд Рейган в жестком противостоянии пытался превзойти заклятого врага СССР по вооружению. Но через пару месяцев после вступления в должность в него выпустил несколько пуль страдавший психическим расстройством мужчина. Рейган выжил, хотя одна пуля чуть не задела его сердце.

Гораздо большую неприятность доставил президенту позже случай, когда телохранители не обнаружили в его нагрудном кармане секретный код приведения в действие атомного оружия. То есть сверхдержава считала себя какое-то время безоружной против возможной советской атаки. В этот драматический момент прибрежная охрана США высматривала подозрительные перемещения советских подводных ло-

док на восточном берегу.

Такая «степень боевой готовности – красная» не должна была больше повториться. Рейган придумал новый военный проект, свою «Звездную войну», в которой США могли захотеть нанести удар по противнику из космоса. Чтобы обеспечить стратегическое превосходство, он приказал начать милитаризацию космоса боевыми спутниками. США предполагали, что в этой новой гонке вооружений Советский Союз останется ни с чем. Рейган не доверял исходу битвы на поле боя – это было бы самоубийством, он планировал умирить СССР гонкой вооружений.

Для ослабления СССР он разработал еще один план – тайное соглашение с лидерами стран ОПЕК. Саудовская Аравия должна была поднять добычу нефти и наводнить ею мировые рынки. Последующее за этим падение мировых цен на нефть привело бы к банкротству Советский Союз, который зарабатывал всю свою валюту на продаже нефти и газа, и к полному развалу его экономики. Рейган потирал руки в предвкушении. В этом он видел исторический шанс победить советский коммунизм.

Вид на высокогорье Таунуса захватывал дух. Там, наверху, по поросшим лесом горным склонам, пролегал «Лисий танец», самая романтическая пешая тропа Германии. Она проходила почти в точности вдоль линии, по которой две тысячи лет тому назад вился лимес – пограничное укрепление,

сооруженное римлянами для защиты от германцев. Римская цивилизация распространялась западнее Рейна, восточный берег оставался в руках германских варварских племен. Боннские политики и сегодня шутили, глядя через реку из своих министерств на западном берегу, что там, на восточном берегу, начинается варварство.

Алексей Ветров не был профессиональным историком, но был помешан на истории. Когда другие сидели вечерами перед телевизором, он зарывался с головой в свои книги. Уму непостижимо – властительница мира Римская империя именно здесь, в густых лесах Таунуса, обрела свою границу. Дикие германцы оказались непобедимыми. Напротив, они устроили ловушку римлянам в Тевтобургском лесу и обратили их в бегство. Это было началом конца прославленного Рима. Сегодня, Ветров был в этом убежден, цивилизационная граница проходила гораздо восточнее, в полутора часах езды на машине от Кронберга: по «железному занавесу». Разве преступный режим не отдавал там приказы расстреливать невинных граждан только потому, что они хотели бежать от коммунизма? Но рано или поздно эта система рухнет. С точки зрения Ветрова, иначе быть не могло.

Ветров тем временем немного отдохнул от созерцания фотографий и пытался расслабиться на софе. Однако Колт по-прежнему не щадил его нервную систему. Он разложил следующую фотогалерею, и Ветров понял, что попался. На цветных фото была снята прошлогодняя встреча с Павликом

во время чемпионата мира по хоккею среди юниоров в Фюссене. На стадионе орали фанаты, две конспиративные фигуры сидели в темноте, скрытые трибуной. Какой агент выследил их на этот раз?

Колт надменно улыбнулся и спросил явно подавленного гостя:

– Ваш родственник, физик Павлик, считается одним из ведущих разработчиков компьютерного программного обеспечения в СССР. Такого носителя государственной тайны КГБ просто так не выпустит ненадолго в качестве туриста. Какую сделку вы с ним заключили?

Ветров отчаянно отбивался от упреков в сотрудничестве с Советами. Он сослался на французские спецслужбы, по заданию которых он действует, однако американцам этого было недостаточно. СССР ни в коем случае не должен получить научного и информационного преимущества. Запад должен в конечном итоге одержать победу над царством зла.

В тот самый момент, когда Колт ввел в игру детектор лжи, в комнате появилась еще одна персона. Ветров поздоровался с хорошо выглядевшей черноволосой женщиной лет сорока. Очевидно, она была ведущим агентом. Они начали оживленно шептаться с Колтом.

Положение Ветрова становилось щекотливым, ЦРУ не шутило. Женщина потребовала от Ветрова тоном, не терпящим возражений, выложить все карты на стол. Отступить было некуда. «Беседа» окончательно потеряла видимость доб-

ровольной. Французы хотели равноудаленности от Вашингтона, а Москва? Это же подрывная деятельность против НАТО.

Ветрову стало страшно, но он никак не мог избавиться от подозрения, что во всем, что касалось истинных событий в Форте Беар, церэушники полностью блуждали в потемках. Колт лишь блефовал. И тогда, когда в бешенстве то и дело ударял рукой по столу. Но даже если Ветров был прав, как это могло помочь ему вырваться из безнадежной ситуации? Руки Ветрова слегка дрожали. Телефон, звонки которого раньше неоднократно прерывали допрос, теперь молчал.

В коридоре слышались приближающиеся шаги. Дверь отворилась, и в комнату вошел мужчина с крупным, абсолютно лысым, наводящим ужас черепом. Хотя света явно было недостаточно, на нем были темные очки. Он походил на жуткую птицу из фильма Эдгара Уоллеса. Пришелец беззвучно сервировал присутствующим горячий чай.

Колт вдруг ошарашил Ветрова неожиданным вопросом:
– Чем вы занимаетесь в Альтвайльнау?

Это местечко, скорее даже деревня, находилось в часе езды на машине от Кронберга, в центральной части Таунуса. Там, в отдаленной гостиничке у подножия местной крепостной развалины, на свои тайные стратегические встречи собирався оперативный штаб антисоветского эмигрантского движения. Давно уже не молодая мужская компания заказыва-

ла лучшее в этих краях яблочное вино и строила планы по свержению советского режима. Поздно ночью, перед тем как отправиться спать, распределялись будущие министерские портфели. Предводителем всегда был старик Орехов, еще лично знавший последнего русского царя. Сам Ветров вел протокол.

Он прекрасно понимал, чего хотел Колт, выжидательно смотревший на него. ЦРУ желало быть информированным о содержании этих разговоров. Уже почти насильственно они хотели быть в курсе всего. Ветров попытался выкрутиться из положения с помощью анекдота. Он рассказал, как все мужское застолье, услышав новость о прибытии советского министра иностранных дел в замок Кронберг в Альтвайль-нау на переговоры о разоружении, выбежало на мост на авто-страде, чтобы погрозить кулаками автомобильному конвою.

Колт дал понять Ветрову, что утратил интерес к расспросу. Его ждали более важные дела. От Ветрова не укрылась перемена в его настроении, и он заметил:

– Когда мы придем к власти в свободной России, мы тут же подпишем с США миротворческий план и вместе пойдем в бой против красного Китая. – Ветров был убежден, что его американские друзья хотели внести честный вклад в освобождение России.

На что Колт саркастически заметил:

– В будущей России никто не будет восторгаться эмигрантами. Гордая Россия не захочет быть освобожденной чуже-

земцами!

Ветров раскраснелся от гнева и убежденно воскликнул:

– Ложь! Свободная Россия с распростертыми объятиями встретит и будет чествовать своих сыновей, самоотверженно боровшихся против террора и тирании! – Ответа не последовало.

Колт тем временем тщетно пытался восстановить прерванную телефонную связь с Западным Берлином. Он чертыхался, не в силах понять, почему линия была так перегружена. Или кронбергская вилла прослушивалась вражескими спецслужбами?

Женщина вышла из комнаты, дав знак Колту следовать за ней. В конце коридора она отперла дверь, которая вела в затемненное помещение. Ветров без приглашения последовал за парой церэушников в заднюю часть виллы. Шторы на окнах в комнате были опущены, воздух затхлый. В углу горела маленькая лампочка. Ветров вздрогнул от страха. На диване неподвижно лежал человек, которого он, подойдя ближе, без труда узнал. ЦРУ также похитило одного из его коллег с радио «Свобода».

Женщина презрительно посмотрела на скрюченную фигуру на диване:

– Алик Туманов, жалкий негодяй. Советский перебежчик. Много лет назад он, будучи матросом, дезертировал с русского корабля. Точно так же он мог бы проникнуть через финскую границу и оказаться в Швеции. Америка предоста-

вила ему гражданство, хорошо оплачиваемую работу, а к ней номер люкс в мюнхенском отеле «Арабелла», и дала возможность подниматься по карьерной лестнице на радио «Свобода». Но на самом деле он шпион, желающий вернуться в СССР.

Колт лишь пробурчал:

– После его здешнего пребывания он снова работает на нас.

Редактор с радио «Свобода», вероятно, находился под сильным наркотическим влиянием, он неподвижно таранился в потолок. Губы его немного шевелились. С небольшим усилием Ветров разобрал, что тот матерился себе под нос. Женщина пыталась поднять его, но он каждый раз оседал и снова плюхался на диван.

Алексей Ветров припомнил одну забавную вечеринку в фешенебельном мюнхенском районе Богенхаузен, на которой не так давно присутствовали он и его коллеги с радио. Ветров появился ненадолго, только чтобы поздравить с днем рождения одного из коллег. Но ему налили водки и долго не отпускали. Туманов, бывший тогда главным редактором, сидел на диване с остекленевшим взглядом, в окружении двух весьма симпатичных дикторш. Одна медленно расстегнула ему рубашку и принялась гладить по груди. Вторая расстегнула брюки и скользнула внутрь своими длинными пальцами. При этом он вливал себе в глотку одну рюмку за другой.

За столом все были навеселе. Судя по множеству пустых бутылок, трезвых среди присутствовавших быть не могло. Ветрову бросилось в глаза, как вечно заикавшийся сотрудник архива с крысиной мордочкой подозрительно возился с кассетным магнитофоном, отчаянно пытаясь найти кнопку, чтобы записать пьяные разговоры за столом. Ветров терпеть его не мог. Однажды он наблюдал в холле радиостанции, как этот парень прижал свое лицо к копировальному стеклу большого ксерокса, чтобы таким образом сделать ксерокопию своей физиономии. На ждавших у ксерокса коллег он рывкнул: «Я делаю фото на паспорт!»

На ковре лежал почти неподвижный техник записи, сжимая в руке бутылку пива. Один диссидент, набравшийся в пугающей степени, лишь недавно выдворенный из СССР, хвастался скорым концом Советского Союза.

– Критик режима Андрей Амальрик прав – Советский Союз не переживет оруэлловский 1984 год. Советское плановое хозяйство подорвано. Советский Союз не способен больше кормиться своими ресурсами и должен импортировать пшеницу и зерновые, – объявил он. Собравшиеся радостно выпили за него.

Рыжеволосая полногрудая женщина, прижимавшаяся к Туманову, возмущенно произнесла:

– Наши соотечественники устали от бедности и безысходности. Почему руководство дает деньги лишь государствам-сателлитам, а не делится с простым народом?

Еще один редактор, закрывший свое бородатое лицо газетой «Правда», сострил:

– Этот листок можно использовать максимум в качестве туалетной бумаги. – Веселая компания снова чокнулась со звоном.

Они долго знали друг друга, работали вместе и жили в тесном пространстве. Сотрудники радиостанции частично годами жили в Мюнхене, но не знали ни слова по-немецки. Да и зачем? Американский работодатель использовал их как бойцов на пропагандистском фронте – днем и ночью они посылали информацию и комментарии за «железный занавес». Запад был им чужд и безразличен – духовно они все еще жили в Советском Союзе.

Сотрудники разных редакций – русские, грузины, татары, узбеки, украинцы и поляки – подняли свои бокалы за развал Советского Союза. Ветров внимательнее всмотрелся в их лица. Все они были жертвами коммунистического режима, некоторые подолгу сидели в лагерях, другие в советских психушках. Там у них все отняли, и их ненависть к советской родине была абсолютно понятна. Но они ненавидели и Россию, поносили гомо советикуса и пили за независимую Беларусь.

Ветров насмешливо заметил:

– Русские тогда выключат вам свет, и вы пропадете.

После того как Советский Союз на протяжении нескольких часов был похоронен почти всеми присутствующими,

неожиданно вскочил со своего дивана Туманов. Обе его подруги испуганно отпрянули от него. Он попросил хозяина дома, праздновавшего день рождения, разрешения на особый тост. Хозяин апартаментов в это время жадно хватал ртом воздух. Кто-то преднамеренно ткнул его лицом в горячую суповую тарелку. Его белая рубашка была мокрой, а воротник еще до этого был измазан губной помадой.

– Друзья, вы ошибаетесь! – начал Туманов неожиданно твердым голосом. – Это верно, что компартия прогорела. Но развал империи будет успешно остановлен, а именно – КГБ!

Компания остолбенела, Туманов не давал себя сбить с толку раздавшимися возгласами:

– Госбезопасность – единственный орган, способный провести реформы. После того как преступный генсек Брежнев схлопочет свой очередной инфаркт, власть в свои руки возьмет шеф КГБ Андропов.

Ветрову казалось, что он участвует в каком-то дурном фильме. Туманов был сумасшедшим – или абсолютно пьяным. Без самого влиятельного человека в политбюро, восьмидесятилетнего серого кардинала Михаила Суслова, которого еще Сталин назначил министром, ничего вообще не происходило. Он жил аскетично и презирал западный мир потребления. Суслов функционировал как некое подобие коммунистического папы, как хранитель чаши Грааля марксизма-ленинизма, как первосвященник мировой революции. Только его смерть сделает возможными ощутимые перемены.

ны, только вместе с ним могла бы быть похоронена коммунистическая религия, в которую едва ли кто-то еще всерьез верил в СССР.

Главный редактор подошел к решающему пункту:

– Полностью одряхлевшее руководство политбюро противится реформам из страха лишиться власти. Они боятся Андропова как диктатора. И не без причины! План КГБ по переустройству России предусматривает замену партийного господства на сильное президентство. Только так можно эффективно побороть коррупцию и внедрить модернизацию сверху. Поэтому КГБ начинает рекрутировать ученых и беспартийную интеллигенцию – они станут элитой будущего. Кстати, КГБ уже сегодня ведет доверительные беседы с сочувствующими на Западе, которые готовы помочь.

Стройная женщина в коротком платье и высоких черных лаковых сапогах подошла к Туманову и потребовала признаться, что он советский агент. Когда гости оттащили ее, Туманов проводил ее непонимающим взглядом. Он все еще стоял с полным стаканом виски в руке, собираясь его выпить, когда закончит тост. Однако он еще не все сказал и подбросил аудитории еще одну идею:

– Советский Союз будет копировать Китай и переймет эффективную экономическую модель Дэн Сяопина. Отживший свое социализм будет заменен на близкий народу национал-капитализм, подразумевающий частную собственность, предпринимательство, свободу путешествий. Амери-

канцы считают, что социализм не поддается реформированию. Китай уличает их во лжи и вводит рыночную экономику – без революции снизу. Китай демонстрирует рост и готовится к глобализации. – Туманов выжидательно взглянул на коллег. – Реформированная, экономически окрепшая Советская Россия станет для американцев, конечно, очень опасным конкурентом в мировой политике. Геополитические противоречия будут только расти.

Ветров осторожно скосил глаза на других коллег. Как они отреагируют на провокационную болтовню Туманова? Кто из них завтра утром первым побежит в ЦРУ и настучит на пьяного Туманова? Завтра, Ветров нисколько в этом не сомневался, главный редактор за свои высказывания получит пинком под зад – как минимум. При этом Ветров не верил ни одному слову Туманова. Миф о борьбе за власть между соколами и голубями в политбюро он считал чистейшей советской пропагандой. На самом деле компартия и спецслужбы были заодно.

Нечестных, малодушных попыток провести реформы после смерти Сталина было предостаточно. Они вели лишь к боям за власть и к реставрации тоталитарных структур. На свободные выборы не могли согласиться ни партия, ни спецслужбы. Ведь тогда бы они были навеки изгнаны или предстали перед международным судом. Если кто-нибудь и мог бы действительно свергнуть советский режим, сменить систему и построить свободную Россию, то уж точно не КГБ,

а армия. Русский Пиночет нужен здесь. Только в армии Ветров видел честных, антикоммунистически настроенных патриотов.

Туманов не терпел никакой критики. Имеет он право, наконец, завершить свой тост? А вот американский коллега давно уже достаточно наслушался и бесшумно выскользнул из комнаты. Не обращая внимания на становящуюся все громче шумовую кулису, Туманов произнес свои последние фразы, заставившие всех еще раз насторожиться:

– Андропов может положиться на некоторых участников заговора в Кремле. Если с ним случится нечто непредвиденное, по его следам пройдет щенок Горбачев.

Все застолье удивленно покачало головами. Похоже, у Туманова поехала крыша. Пятидесятилетний Горбачев, андроповский протеже, был слаб в политике, в политбюро отвечал только за сельское хозяйство. Минное поле, если учесть, что население голодало. Ветров тоже так считал. К тому же у Горбачева был решающий изъян: войну он подростком провел на оккупированной территории на Кавказе. То есть напрямую соприкасался с оккупантами. С такой биографией было совершенно невозможно подняться на высокие руководящие посты.

Собственно, это были все воспоминания Ветрова о том пьяном застолье. Речь Туманова стала апогеем вечера. Сразу его не выгнали, что тогда Ветрова удивило, но больше не

интересовало. Теперь же, в Кронберге, он глубже задумался о тогдашних событиях. Может, ЦРУ лишь позже узнало о высказываниях Туманова, и теперь он оказался в ловушке, американцы допытывались, откуда у него информация об Андропове.

Резкий приказ вырвал его из размышлений:

– Доставьте обоих в Висбаден – на детектор лжи. – Такое развитие событий совершенно не понравилось Ветрову. В столице земли Гессен был расквартирован второй по величине гарнизон американских войск США в оккупированной союзниками Германии. По берлинскому воздушному мосту из Висбадена в 1948 году знаменитые «изюмные бомбардировщики», «Дугласы С-54», снабжали продовольствием западные секторы Берлина. Позже отсюда стартовали шпионские самолеты U-2. Они снимали секретные военные объекты на территории Советского Союза. Один американский самолет-разведчик был сбит. Взятого в плен пилота Гэри Пауэрса обменяли на советского разведчика-нелегала Рудольфа Абея, раскрывшего американскую программу атомного оружия. Раньше Ветров периодически читал доклады для американских офицеров в университете Мэриленда в Висбадене.

Этим осенним днем он был безжалостно катапультирован назад в шпионскую историю холодной войны. Туманов сопротивлялся по мере сил. Он раскаялся, признался ЦРУ во всем, что знал, и теперь требовал своего немедленного осво-

бождения. За дверью ждала машина с включенным мотором. Туманов беспрепятственно возобновил бы завтра свою работу в Мюнхене, и ни у кого не зародилось бы ни малейшего подозрения. Они с Ветровым встретились бы в коридоре вытянутого комплекса зданий в Английском саду, как будто ничего не случилось.

Однако Колт все еще не отпускал Ветрова. Он сервировал ему легкий перекус, но сочащийся жиром гамбургер пришелся ему не по вкусу. Колт положил ноги на стол и закурил сигарету. Симпатичная агентша присоединилась к нему и тоже водрузила на стол свои длинные ноги, положив их одну на другую. Ветров нашел ее довольно привлекательной. Она улыбнулась ему и произнесла: «Зовите меня Анжела». Дама источала шарм и определенную теплоту, так что Ветров почувствовал, что может довериться ей и рассчитывать на уважение. Подмигнув, агентша подняла чашку с чаем за его здоровье.

Ветров мог, наконец, говорить свободно и воспользовался этой возможностью, пока агенты внимательно слушали его:

– Если коммунизм действительно исчезнет, мы должны убедиться, что Россия не распадется.

Колт намурился:

– Как вы собираетесь убедить колонизованные народы, которые ощущают себя живущими в казармах советского государственного союза, остаться в будущей русской империи?

Анжела тоже подключилась:

– На самом деле СССР не может просто так развалиться по причине дьявольского замысла Сталина. Еще будучи комиссаром по национальному вопросу, диктатор совершенно осознанно так прочертил на карте внутренние границы отдельных советских республик, что титульные нации на своих исконных территориях должны были жить вместе с анклавами других национальностей, то есть практически были перемешаны. Тем самым был поставлен заслон любым тенденциям отсложения отдельных народов.

Ветров понял, что имела в виду агент ЦРУ. К исконной Украине в восточной части был присоединен гигантский кусок Новороссии, когда-то отвоеванной Екатериной II у турок и позже заселенной русскими. Потом сюда же прибавился русский полуостров Крым. Доминирование русского населения на востоке Украины навсегда должно было бы предотвратить отделение Украины от России. Республика Молдавия, бывшая когда-то частью Румынии, получила населенное русскими и украинцами Приднестровье. Как целое республика, стоило ей когда-нибудь стать самостоятельной, никак бы не смогла отделиться от русской метрополии.

В таком же духе продолжалось и дальше. Населенный армянами Нагорный Карабах стал анклавом в Азербайджане. Грузия получила исламские автономии Абхазию и Южную Осетию. И центральноазиатские республики искусственно проведенными границами были задуманы так, что могли отделиться друг от друга только через большие этнически-тер-

риториальные конфликты.

– Советский Союз не может расколоться без кровопролития и гражданской войны, во всяком случае, по своим внутренним границам, – повторила Анжела с серьезным видом.

Ветров счел этот разговор нецелесообразным и совершенно далеким от реальности. Ведь в Советском Союзе не было никаких конфликтов на национальной почве – не империя была общим врагом, а несвобода. Народы бы солидаризировались в борьбе против коммунизма.

Он слишком поздно заметил, что его слова все больше злили Колта. Посредине рассуждений Ветрова у Колта лопнуло терпение, и он раздраженно заорал:

– Новой русской империи не должно быть, и ее больше не будет!

Ветров сделал попытку урезонить Колта последним аргументом:

– Вы хотите, чтобы на месте атомной сверхдержавы Советского Союза тут же возникло много маленьких, враждующих друг с другом ядерных стран? Вы действительно хотите, чтобы в Центральной Азии появилась исламская атомная бомба?

В этот момент Ветров почувствовал, что их с американцем взгляды диаметрально противоположны. ЦРУ в своей политике относительно Советского Союза однозначно делало ставку на раздробление России. Разочарованный, он сделал для себя вывод, что холодная война и после коммунизма

будет продолжаться. В истории человечества основополагающим всегда оставалось одно: мировое господство. Совершенно безразлично, в какие одежды будут рядиться вожди – коммунизм, капитализм, демократия.

Ветров в изнеможении встал с дивана и подошел к окну. Ситуация стала напряженной, намного охотнее он бы продолжил дискуссию наедине с Анжелой. Присутствие Колта подавляло его. Его взгляд скользнул по таким привычным, поросшим лесами горным вершинам. На скале, над Кронбергом, простирались развалины замка Фалькенштайн. Шпиль башни пронзал вечернее небо. А в нескольких километрах отсюда на скалистом плато Таунуса возвышается более внушительная крепость Кёнигштайн. Где-то залаяла собака.

Ветров хорошо знал пеший путь наверх, к крепости. Он там часто бывал с детьми. Внутри крепости обитали серны. Жаль только, что многие камни из крепостных стен на протяжении веков выветрились или были растащены крестьянами. Да, в Средние века он бы постоял за себя в крепости Фалькенштайн, взяв в руки секиру, – и просто убил бы Колта. Сегодня же все спорные вопросы можно решать только идеологическим оружием. И это хорошо.

Колт погасил почти догоревшую сигарету. У него была бессонная ночь, но сопротивление Ветрова должно быть сломлено, чего бы это ни стоило. В салоне опять стало тихо, только настенные часы тикали без устали.

Анжела напевала себе под нос старый хит Джона Леннона. Нет ни рая, ни ада, ни религии, ни национальности, ни государства на земле – лишь безграничная свобода, к которой люди стремятся с эпохи Просвещения. «Эликсир жизни американского way of life, так успешно привитый немцам после войны, и в посткоммунистической России принесет свои плоды!» – всем своим видом убежденно показывала она. Ветров в этом очень сомневался. Но на этот раз промолчал, чтобы больше не раздражать Колта.

Мужчина в камуфляжной куртке военного образца, с бинноклем на шее, вошел в салон из сада. Профессор Ларри Уэттен сообщил, что прибыл прямо из Западного Берлина, где целый день не спускал глаз с госсекретаря США. Дрожащей рукой он передал Колту телеграмму. Агент ЦРУ даже присвистнул, лицо его стало серьезным.

– Ваш старший сын только что задержан на австрийско-немецкой границе, около Бад-Райхенхалль.

Ветров соскочил со своего места, словно укушенный тарантулом.

Его сын Георгий выполнял сверхсекретную миссию. У него было задание от организации русских эмигрантов тайно переправить эмигрировавшую из СССР в Вену советскую диссидентку через Зеленую границу в ФРГ. У известной правозащитницы хотя и было приглашение лично от папы римского, но действующей немецкой визы, к сожалению, не было. Так что Георгий как пособник нелегального пересече-

ния границы нарушил закон и сидел теперь в СИЗО.

Чего Ветров-младший ни под каким видом не должен был выбалтывать Федеральной пограничной охране, так это то, что диссидентка везла из Москвы важный пакет, который передал ей Павлик. Ветрову было известно, что находилось в запечатанной посылке: новые записи расшифрованного устройства памяти из черного ящика. Он вытер пот со лба. Нервозность ее гостя не укрылась от агентши ЦРУ.

Анжела взяла в руки ладонь Ветрова и долго держала ее. Она попросила доверять ей. Колт тут же бы решил все проблемы на границе – телефонным звонком. Ветрову нужно наконец рассказать все о Павлике:

– Обет молчания, данный когда-то вашим тестем французской тайной полиции, давно просрочен.

Но Ветров был обязан молчать. Согласно первой расшифровке информации из бортового самописца, русский самолет потерпел аварию где-то на юге Франции. Когда случилось падение – из имевшихся на тот момент раскодированных записей установить было невозможно. Однако в Форте Беар были довольны первой расшифровкой. Теперь это был вопрос времени, когда техника достаточно далеко продвинется вперед, чтобы окончательно разгадать загадку.

В течение многих лет, скрытые от общественности, во всех доступных исторических архивах по всему миру шли интенсивные поиски указаний на неидентифицированные, неизвестные обломки самолетов, в том числе и на дне мор-

ском. Однако французы не хотели допустить, чтобы секретные сведения попали в руки американцев.

Вечер опустился на горы Таунуса, когда солнце исчезло за Рейном. Агенты пригласили Ветрова на прогулку в сад. Вдалеке на равнине сверкали огни крупного центра Франкфурта. Еще совсем недавно лишь отдельные купола церквей возвышались над вновь отстроенными после войны жилыми домами метрополии на Майне. Новый силуэт города теперь походил на большие американские города. Поблескивающие самолеты непрерывно взлетали и приземлялись в самом большом аэропорту Европы.

Ветров задумался, готов ли он когда-нибудь поменять ту насыщенную жизнь, которую он годами вел здесь, на еще более захватывающую. Впрочем, сейчас его больше всего тревожили сын и последствия его ареста. Осознавать, что результаты работы исследовательского института его кузена оказались в руках немцев, было мучительно больно.

Колт схватил его за воротник и встряхнул. Никто не имеет права уклоняться от сотрудничества с ведущей супердержавой США:

– Будущее человечества лежит на плечах Америки!

Тут взял инициативу в свои руки третий агент ЦРУ, Уэттен. Симпатичный господин с белой бородой, неотличимый от актера Шона Коннери, явно знал, как переубедить уставшего Ветрова.

– В далеком будущем ученые разработают технику пере-

мещения людей и объектов из одного времени в другое – так называемое четвертое измерение, сегодня это чистая сайенс-фикшн, завтра реальность, – приступил он к своим разглагольствованиям. Ветров сделал искренне удивленное лицо. Такая реакция понравилась агенту, и он с пылом продолжил: – После сокрушительного нападения японцев на Перл-Харбор спецслужбы США провели строго секретный и опасный эксперимент. Они попытались доказать, что путешествия во времени по пространственно-временному туннелю возможны. На научной основе теории Альберта Эйнштейна о кротовых норах, возникающих при определенных атмосферных аномалиях, возник так называемый «Филадельфийский эксперимент».

Любопытство Ветрова росло с каждым словом. Неужели Уэттен собирался посвятить его в сенсационную тайну американской военной истории? Американец раскрыл все свои карты:

– Ученые США смогли манипулировать магнитными полями в Атлантическом океане вблизи Бермудского треугольника и испытать маскировочную и антирадарную технику. Эсминец «Элдридж» был сделан совершенно невидимым и перемещен в другое место за пятьсот километров.

Уэттен сделал доверительное лицо, на котором не осталось ни следа строгости. Он рассказал, что получил эту информацию от одного офицера, участника тех событий, который даже сообщил ему, что ЦРУ отправило военную экспе-

дицию в прошлое с того места в Атлантике, на котором долгое время то и дело бесследно исчезали самолеты и корабли.

– Операция прошла крайне неудачно – от участников с тех пор нет никаких следов! – пожаловался он.

Ветрову постепенно стали закрадываться в голову сомнения в его адекватности. Если эта история соответствовала действительности, то воинская часть ЦРУ фатальным образом была отгружена в другое временное измерение, где она должна была навсегда бесследно исчезнуть.

Уэттен подозвал кивком Анжелу, и они втроем уселись на ставшую уже родной софу вокруг газетного столика. Неужели напряженный день никогда не кончится? Уэттен продолжил еще более дружелюбным голосом:

– Более тридцати лет тому назад над штатом США Нью-Мексико рухнул неизвестный летающий объект. Официально – метеорологический спутник. На самом деле – внеземной летательный аппарат, может быть, даже машина из другого времени. – Ветров был знаком с этой теорией заговора, согласно которой на одной секретной военной базе США хранились НЛО и разрезанные тела инопланетян.

Уэттен сообщил, что в следующий раз привезет с собой в Мюнхен друга из ЦРУ. Они втроем сядут в уютном ресторанчике вдоль реки Изар, и он снобдит Ветрова нужной информацией, которая изменит его картину мира.

– Почему Америка не делится своими знаниями с человечеством? – спросил Ветров нарочито наивным тоном.

– Во-первых, мы хотим сами использовать полученную таким образом более высокую технологию. Во-вторых, мы не хотим вызывать панику в обществе. В-третьих, мы хотим, если инопланетяне существуют, быть уверенными, что они будут на нашей стороне в третьей мировой войне на земле.

Ветров уже не мог избавиться от изумления. Уэттен сообщил ему, что США в течение пяти лет активно искали инопланетян – посредством межзвездной коммуникации. Они пытались установить с ними контакты через отправленные сигналами и зондами послания.

Неожиданно Анжела выдвинулась вперед и взяла инициативу в свои руки:

– Мы предполагаем, что русский зонд с подробнейшими информационными данными об истории человечества через кротовую нору в космическом пространстве до сих пор необъяснимым образом упал обратно на землю в одну из прежних эпох. – Анжела в последний раз изобразила очаровательную улыбку: – Предложение звучит так: обмен вашей документации о путешествии во времени на нашу.

Ветров, в который уже раз за этот день, прикусил губу, страстно надеясь, что к нему не будет применена физическая сила. Он вежливо попросил разрешения наконец выйти – больше уже не было мочи терпеть.

Ветров нерешительно спустился вниз по лестнице в туалет в подвале. Никто за ним не шел. Оставшись наконец

один, он начал лихорадочно размышлять. Если он не прервет молчания, то, возможно, живым не уйдет из виллы. Неожиданно ему бросилось в глаза небольшое окошко. Запасной выход.

Из последних сил он пролез через узкое отверстие, стараясь избежать любого подозрительного шороха. Время поджимало; он уже услышал каблуки Анжелы на лестнице. Выбравшись наружу, он пополз в кусты. Вдруг кто-то зашептал ему на ухо:

– Бегите что есть силы...

Ветров плохо бегал, в юности у него был несчастный случай, после которого одна нога была короче другой. Через пару лет он собирался вставить искусственный протез, чтобы легче справляться с болью.

Он поспешно заковылял по темному саду. Подумал о вооруженной охране ЦРУ: откроют ли они огонь на поражение? Боязливо прислушался к приближающемуся собачьему лаю. В стене открылась маленькая боковая дверь, и Ветров вывалился на почти не освещенную улицу. К нему ехал черный «Ситроен». Дверца рядом с водителем открылась еще во время движения машины. По саду с дикими воплями с фонарями носилась охрана. Ветров вскочил в машину и захлопнул дверь.

1991

В католическое Рождество 1991 года случилось невероятное: Советский Союз навсегда исчез с карты мира. Алексей Ветров провел день в своей редакции. Огромные ели в Английском саду едва пропускали свет в окно кабинета. Снаружи было темно и очень холодно, а в редакции царила эйфория. Похоже, мрачная история XX века обрела счастливый конец – так казалось журналистам. Теперь не было ни Берлинской стены, ни ГУЛАГов, ни коммунизма, больше не было военной угрозы с востока.

Поляки, украинцы, грузины, казахи – сотрудники радио «Свобода» – без устали обнимали друг друга. Работник украинской редакции показал русскому – Ветрову – язык. Но насколько мирным станет новый мир? Ветров предостерегал: Россия ни в коем случае не должна быть загнана в роль проигравшего. Наоборот, Борис Ельцин, разрушивший Советский Союз, должен вбить в головы русских и мировой общественности: именно Россия – и никто иной – победила коммунизм и освободила поработанные народы от общего врага! День освобождения от коммунизма должен отныне стать национальным российским праздником! Москва должна сделать этот шаг, чтобы зафиксировать свою версию конца коммунизма равным образом во всех странах. Иначе все новые независимые государства вскоре возложат на Россию

вину за свои страдания послевоенного времени.

Ветров подумал о своем старшем сыне Георгии, который сейчас как раз находился на Западном побережье США по обмену в научно-исследовательской корпорации РЭНД. В этом крупном мозговом центре правительства США он исследовал роль советских спецслужб в политике перестройки Михаила Горбачева. Он шел по горячему следу: служба внешней разведки КГБ могла за кулисами поддерживать ниспровержение коммунистических правительств в восточноевропейских странах, чтобы во всем восточном блоке заменить коммунизм на что-нибудь другое. КГБ как автор смены власти в Восточной Европе? Многие наблюдатели отказывали верить в это.

В американском министерстве обороны, в Пентагоне, было срочно созвано заседание всех экспертов по СССР. Ветров-младший тоже был приглашен.

Советник по вопросам безопасности президента США обрисовал изменившееся международное положение:

– США выиграли третью – после 1918-го и 1945-го – войну. После исчезновения СССР из мирового порядка ситуация критически изменилась в пользу США. Перемены касаются не только Европы, но и всех континентов, где СССР оставляет гигантский вакуум власти. После исчезновения глобального государственного равновесия остается только «Пакс Americana», то есть гегемония США в мире. В будущем мы через ассоциации и экономические зоны привя-

жем к Америке Латинскую Америку, Ближний и Средний Восток, Северную Африку и Юго-Восточную Азию вместе с Европейским континентом. Весь мир будет тесно взаимосвязан с Америкой.

Советник по безопасности попросил налить ему стакан воды и продолжил:

– США впервые со времен Второй мировой ведут полномасштабную войну – в Ираке. На Ближнем и Среднем Востоке существует лишь одна организационная сила – это мы. Бывший восточный блок, включая Россию, ориентируется на западную систему мира. Мы обладаем финансовыми рычагами, чтобы удерживать страны в этом направлении. Все бывшие государства Варшавского договора стремятся в НАТО или в Евросоюз и тем самым под американскую защиту. Съежившаяся Россия находится лишь на периферии Европы, Балтийское и Черное моря – по существу натовские моря. Нам надлежит в будущем обучить и воспитать элиты новых независимых стран в западном духе – как Западную Германию после 1945 года.

Георгий Ветров задумался. Таким огромным влиянием на всем Европейском континенте не обладали даже древние римляне! За прошедшие столетия никому не удалось интегрировать великую державу Россию в западное полушарие. Неужели этот исторический шаг удастся сверхдержаве США?

Эксперт по России при секретной службе США Джордж

Колт тоже внес свою лепту. Ветрову не возбранялось все записывать, никто не отнимал у него блокнот. В зале царила безграничная эйфория от победы в холодной войне. Ветров вдруг слышал вещи, которых и представить себе раньше не мог. США позиционировали себя гарантом стабильности не только в Центрально-Восточной Европе, но и на всей территории сгинувшего Советского Союза. Колт упоенно расписывал Украину как потенциальный геостратегический рычаг против России. Независимая Украина станет засовом на Российской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.